

18+

Дмитрий Аркадин

НЕ ОЧЕНЬ
ДРАМАТИЧЕСКИЕ
ПЬЕСЫ. ПОВЕСТИ
И РАССКАЗЫ

Дмитрий Аркадин

**Не очень драматические
пьесы. Повести и рассказы**

«Издательские решения»

Аркадин Д.

Не очень драматические пьесы. Повести и рассказы /
Д. Аркадин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-850536-2

«Пьесы Дмитрия Аркадина полны юмора, метких наблюдений, они написаны так, что живо представляешь сцены, видишь характеры. В его повестях и рассказах вас захватывает широкая география, множество затронутых тем. Война и любовь, эмиграция и милосердие, человечность и жестокость...». Юрий Моор-Мурадов, председатель Союза русскоязычных писателей Израиля. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-850536-2

© Аркадин Д.
© Издательские решения

Содержание

Обращение к читателю	6
Пьесы	7
Нечистая сила и эмиграция	7
Сцена первая	7
Сцена вторая	10
Сцена третья	15
Сцена четвертая	16
У кого трава зеленей	19
Действие 1	19
Действие 2	28
Действие 3	36
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Не очень драматические пьесы. Повести и рассказы

Дмитрий Аркадин

© Дмитрий Аркадин, 2017

ISBN 978-5-4485-0536-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пьесы, проза, стихи... На первый взгляд – слишком много для одного человека. Но Дмитрий Аркадин убеждает, что он владеет всеми этими жанрами. Его драматические произведения полны юмора, метких наблюдений, они написаны так, что живо представляешь сцены, видишь характеры; в его пьесах много красочных персонажей, которых автор умело изображает через их поступки и речь – своя для каждого героя.

Проза Дмитрия Аркадина заставляет задуматься, поднимает сложные жизненные вопросы. Реальность в его повестях и рассказах отражается через призму его собственного отношения к действительности. Если это воспоминания – то с болью за неотвратимые изменения, которые переживает человечество в целом, и община репатриантов в частности. Если рассказ о судьбе – то задевая самое затаенное, касаясь обнаженного нерва...

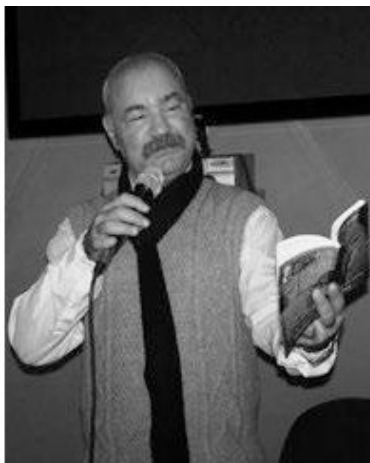
Вас захватывает широкая география, множество затронутых тем, нередко – животрепещущих, сиюминутных – но часто и вечных. Война и любовь, эмиграция и милосердие, человечность и жестокость...

Как тот, кто знаком со стихами Аркадина, опубликованными в предыдущей книге «Пирога на песке», я вижу, что стихотворная лаконичность и образность отражается в его пьесах и прозе, и наоборот – драматизм и философское восприятие из пьес и прозы проникает в его стихи.

Юрий Моор-Мурадов,

председатель Союза русскоязычных писателей Израиля

Обращение к читателю

Дмитрий Аркадин

Моя новая книга называется «Не очень драматические пьесы. Рассказы». Почему «не очень драматические», может спросить читатель. Отвечаю – потому что ничего особенно драматического в них не происходит. Напротив! Герои пьес разыгрывают друг друга, иронизируют и смеются. Одна девочка мне объяснила: «В настоящей драме умирают от любви, а просто в драме умирают от смеха! Там артисты поплачут, попереживают чуть-чуть, а потом жених покупает невесте эскимо и цветы». Вот так. «Устами младенца...». То есть никаких шекспировских страстей.

Но не отсутствие их накала меня заботит. За рассказы я относительно спокоен, а вот с пьесами.... Написать пьесу – это ещё не всё. Она нуждается в постановке. Это когда её «бумажные» персонажи оживают на сцене. Хлопают дверями, музицируют на рояле или играют на скрипке, курят, спорят, дарят цветы, едят мороженное, плачут и смеются, любят и ненавидят, уходят и возвращаются. Одним словом, живут в реальном пространстве сцены. Только рампа разделяет их от зрителей. Здорово! Это театр! Когда же этого не случается, пьеса становится похожей на скрипку без смычка. Никто на ней не играет. Гнетущая тишина гуляет по страницам. Пьеса безголосая не звучит.

Говорят, что умный во всём ищет закономерность. Драматургу достаточно просто счастливой случайности, чтобы пьеса, как скрипка заиграла. Пока пишу – надеюсь. Приятного вам чтения.

Пьесы

Нечистая сила и эмиграция Современная пьеса-сказка в четырех сценах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Автор

Кощей Бессмертный

Змей Горыныч

Баба Яга

Банищик Степаныч

Сцена первая

ОНА ПРЕДСТАВЛЯЕТ СОБОЙ СТАРУЮ ЛАДНО СРУБЛЕННУЮ ДЕРЕВЕНСКУЮ БАНЮ. ТОЧНЕЙ ЕЁ ПРЕДБАНИК, РАЗДЕВАЛКУ ТО ЕСТЬ. НА ШИРОКОЙ ЛАВКЕ, ОТПОЛИРОВАННОЙ БЕСЧИСЛЕННЫМ КОЛИЧЕСТВОМ ЗАДНИЦ, СИДИТ, ШЕВЕЛЯ ПАЛЬЦАМИ НОГ, КОЩЕЙ БЕССМЕРТНЫЙ. СИДИТ, ЗАВЕРНУВШИЕСЬ С НОГ ДО ГОЛОВЫ В ПРОСТЫНЮ, СЛОВНО В БЕЛЫЙ САВАН.

НА АВАНСЦЕНУ ВЫХОДИТ АВТОР:

– В одном непримечательном селе, Березовка, что в Вологодской области, на самом его краю, стояла очень старая, ладно срубленная шикарная баня. Как-то зимним февральским днем, когда народ туда не очень ломится, ближе к вечеру слеталась в баньку нечистая сила. Помыться чтоб, попариться, а заодно и за жизнь поговорить. Первым с превеликим трудом, оставляя рваный, неровный лыжный след между глубокими сугробами, добрался Кощей Бессмертный. Друзей своих он пока еще не разглядел, а потому, раздевшись до трусов, сидел в раздевалке. Сидел на широкой лавке, отполированной бесчисленным количеством голых задниц. Отдыхал, блаженствовал. Шевелил пальцами ног. Два больших пальца и мизинец левой были сильно натерты узким лыжным креплением. Ноги и без того у него были больные. Собственно, как и все остальное. Старик с нетерпением ждал друзей. Беспреданно бросал взгляды с настенных часов на покрасневшие пальцы. Тусовка должна была состояться в 20.00. А стрелки перевалили уже за половину девятого. «Может, не терять времени, – мелькнула у него мысль. Может, пойти пока в парилку попариться?». **АВТОР УХОДИТ.**

Кощей Бессмертный зовёт:

– Степаныч! Слышь, Степаныч! Выгляни на секунду!

Дверь отворяется. В проеме полное и красное лицо заведующего баней Петра Степаныча.

Петр Степаныч, позванивая в руке связкой ключей:

– Ну, чего тебе, Коша? Может, пивка принести? Баварское завезли, финское есть.

Кощей Бессмертный:

– Потом пивка. Принеси лучше веничек березовый. В парилку полезу.

Петр Степаныч:

– Нет веничков, дед. Кончились. Была еще позавчера парочка, так и ту недавно исхлестали на себе двое аллигаторов.

Кощей Бессмертный с возмущением переспрашивает:

– Олигархов что ли? Ну, дожили! Чтоб в деревне Березовка не было березовых веников! При Советской власти такого не случилось! Зато пива у вас теперь импортного хоть залейся!

Петр Степаныч:

– А то ты, Коша, не знаешь! Нынче идешь в баньку – настругай веничек. У нас даже в школу учитель свой кусочек мела тащит, а директор – свой глобус. Сам видел.

Скрывается за дверь. Кощей Бессмертный, недовольно ворча, плотней завернувшись в простыню, направляется в парилку. Смена декораций. Парилка.

ВЫХОДИТ АВТОР:

– Ничего на этот «бардак» не ответил Кощей, а только сноровисто сбросил трусы, и две худющих его бедровых кости мелькнули в полумраке. Минуя душевые, юркнул в парилку. Там, внутри его сразу обволок с ног до головы очень горячий, тяжелый воздух. Такой крутой, что в первое мгновение у Кощея непроизвольно открылся рот. Слюна потекла по острой бороде. Ему даже показалось, что она сейчас закипит! В парилке было так жарко, как у чрева вулкана, который только что взорвался и обдал лицо своим огнедышащим нутром. Повсюду шипела и капала вода, висел густой пар, а над низким потолком, как луна в плотном тумане, едва желтела маленькая лампочка. Воздух круто пах всем тем, чем пахнут подобные деревенские парилки: немножко человеческим потом, немножко запахом дешевого шампуня, немножко просмоленным деревом. И все это вперемежку с острым запахом березовых веников. Тех самых, которых не было в бане.

АВТОР УХОДИТ.

Кощей Бессмертный:

– Ух, ты! Ёшкин свет! Чистый экватор!

Тощим задом нашаривая нижнюю полку, осторожно присаживается на нее:

– Это ж кто так эту джакузи распалил? Тут можно куриные яйца без огня варить в крутую.

Прикрывает шайкой то место, где должны быть свои. Рукой нащупал кран в шершавой, мокрой стене, крутит вентиль. Холодная вода мощной струей бьет в тазик. Кощей с удовольствием брызгает ею в лицо, плескает на плечи и на впалую грудь. Достает изо рта зубы мосты и подставляет под упругую струю.

Кощей Бессмертный вслух:

– Не вижу ни черта. Как бы зубы не потерять. Неровен час посею их здесь, в обстановке плохой видимости.

Голос:

– А ты положи их в стаканчик на окошечко.

Кощей Бессмертный в страхе:

– Кто тут?

Из сплошного марева, как из густого туман появляются три головы Змея Горыныча. Голова та, которая парила слева, неумело перебинтована.

Кощей Бессмертный:

– Змей, это ты, что ли? А я тебя, гада, там, на лавке, сию дожидаюсь. Сидит, понимаешь, оборотень, и голос не подает! Напугал только. Баба Яга с тобой?

Змей Горыныч удивленно:

– Баба Яга со мной? Да ты что? Это ж парилка мужская. Я ж не эротоман какой-нибудь, не бабник сексуально озабоченный! Давай, не тyani! Поднимайся ко мне! Спинку потерять некому.

Кощей, раздумывая, почесав некоторые места и смахнув с лица пот, нехотя взбирается вверх.

Кощей Бессмертный:

– Только не плещи там ковшиком воды на горячие камни! Не гони волну! И так дышать нечем! Тебе-то что! Даром, что ли, Змей Горыныч! А я хоть и бессмертный, но от этого пекла помру, неровен час.

Замечает, что тот сидит мягким местом на выдавшем виды березовом венике.

Спрашивает:

– А где это ты веничек достал?

Змей Горыныч улыбаясь:

– Голь на выдумки хитра. Снял у Бабы Яги с помела! Пока она в буфете кофе свое глотала. *Вытащил из-под себя веник и стал его обнюхивать, закатив глаза от аромата.*

Кощей Бессмертный:

– А что у тебя с головой?

Змей Горыныч трогая повязку на голове:

– Лучше, старик, не спрашивай. Это я недавно в Москву слетал. Там меня шарахнуло.

Кощей Бессмертный криво улыбаясь:

– Опять разборки устраивал с Кунцевской криминальной группировкой? Сферы влияния поделить не можете?

Змей Горыныч:

– Все гораздо прозаичнее, старик. Ты не поверишь. Это сосулька с Тверской! Рухнула неожиданно мне на голову! Прямо искры из всех глаз! Двумя головами увернулся, в плечи успел их вобрать, а третьей не повезло!

Змей вытянулся на полке, выгибая приятелю спину со следами от недавно снятых банок.

Кощей Бессмертный:

– Сосулька! На голову! Ничего себе! Наверное, сосулька тяжелая попалась? Больно было?

Кощей обмакнул драный веник в тазик и лупит Змея, где ни попадя. Тот одобрительно охает, постанывает, прикрыв руками перевязанную голову.

Змей Горыныч:

– Здоровым, Коша, головам было больней, чем раненой! Понял? Вот так это у нас! Соседнюю боль воспринимаем острее, чем свою собственную. У нечистой силы всегда так – боль ближнего болючей, чем любая другая. Ну, да ладно об этом. Ты лучше спроси: с крыши какого здания сорвалась мне на башку дура ледяная?

Кощей Бессмертный переводя дыхание и осматривая масштаб работы:

– Ну и с какого?

Змей Горыныч:

– С крыши здания Российского комитета по правам человека. Понимаешь, к чему это я? Государственное дело! Старушка одна сердобольная своим платком голову мне перевязала. Говорит, иди за права бейся. Тебя ж не по своей воле так сильно зацепило, а потому имеешь полное право на материальную компенсацию. «И куда только Собянин смотрит? – возмущалась правильная бабушка. – Сосулек развелось – нечистой силе пройти негде!».

Кощей Бессмертный:

– А при чем здесь ты? – Сосулька распространяется только на права человека, а ты не человек. Ты же нечистая сила! Ты даже после бани останешься ею!

Змей Горыныч вздохнул, переворачиваясь на спину:

– Ты прав. Но я в тот момент как-то об этом не думал. Контузия сказывалась. Это только Степаныч нас тут за людей держит. Баньку классную организует, попариться пускает.

А в Москве сплошное поправление. Короче, полетел я по этажам ихним права свои искать. В одной приемной девушка меня молодая выслушала, записала все с моих слов. Потом олигарх какой-то вмешался. Сказал, что надо, мол, этого Горыныча проверить. Не воевал ли он на стороне чеченских боевиков? «Что-то сильно рожа его напоминает мне одного ихнего полевого командира», – высказал он опасение. В общем, сказали придти через недельку. А они за это время собирались выяснить, образно говоря, за кого я. За белых или за красных.

Кошей Бессмертный, с иронией:

– Ну и за кого ты?

Змей Горыныч, отхлебнув водички:

– Слушай сюда. Через недельку являюсь. Справочку притаранил от лечащего врача. Доктор научил меня говорить, что страдаю я сильными головными болями, коих ранее не знал никогда. Мало того – испытываю жуткое головокружение при полете, хроническую тошноту и рвоту, когда набираю высоту. Упирай, говорит на то, что вынужден, мол, теперь все время ходить пешком. Но они меня, представляешь, даже слушать не стали. Сказали, ошибочка вышла. Сказали, не в те двери, нелюдь ты этакая, ломишься. Тебе надо в Министерство по чрезвычайным ситуациям. Лети туда. Только они занимаются падающими сосульками, самолетами и домами.

Кошей Бессмертный с возмущением:

– О! Начинается! С больной головы на здоровую.

Змей Горыныч:

– И не говори. Ну, ты же знаешь! Нашего брата так просто не взять! Являюсь снова дня через четыре. Рентгеновские снимки черепочков разных захватил. Тех, что валялись у меня дома еще с Куликова поля. Встречают меня три здоровых амбала, спецназовцы, наверное! В лифт запихали и говорят. «Еще раз, змей зеленый, залетишь к нам – свернем тебе две твои здоровых башки, а третья сама отвалится! Не погань своими глупыми претензиями наш фонд по правам человека! Полетел вон отсюда!». Хотел я дохнуть на их своим огнеметом, да в лифте места мало. Развернуться негде было. Так ни с чем, бесправный, и вылетел.

Змей Горыныч, спускаясь с полки:

– Нет, не собираюсь – пустая трата времени. Я вот Веронике Игоревне Скворцовой, министру здравоохранения пожалуюсь. Она нравом покруче Бабы Яги. Наша, кстати, зажда-лась уже нас в буфете. Идем к ней.

Сцена вторая

***НЕЧИСТАЯ СИЛА РАЗОМЛЕВШАЯ, РАСКРАСНЕВШАЯСЯ,
ЗАВЕРНУВШИЕСЬ В ПРОСТЫНИ, СИДИТ НА ЛАВКЕ.***

СНОВА ПОЯВЛЯЕТСЯ АВТОР:

– Вывалилась нечистая сила из парилки разомлевшая, раскрасневшаяся. Хороший заряд бодрости получила.

Степаныч вынес им пару свежих простынок, завернулись они в них, сели на лавку дух перевести да обсохнуть немного. Змей Горыныч хотел стрелкнуть у банщика три сигареты «Winston», поскольку три головы хотели покурить, но Степаныч пожадничал, не дал три, а только одну. Недовольный Змей сунул сигаретку в рот травмированной башке, та прикурила от зажигалки банщика и с удовольствием затянулась.

АВТОР УХОДИТ.

Змей Горыныч курит:

– Пропади они пропадом все эти фонды и институты ихние по правам человека! Нет для меня дороже единственного права – права на халявную затяжку.

Кощей Бессмертный многозначительно:

– Понимаю тебя. Чем затяжка больше на шару, тем она, естественно, дороже.

Змей Горыныч давится дымом, страшно кашляет. В этот момент скрипит дверь. В предбаннике появляется Баба Яга.

Баба Яга:

– Не знаю о чем вы тут говорили, а ехать, мужики, надо!

Кощей Бессмертный, высмаркивая нос в простыню, недовольно:

– О, наконец-то «Челленджер» приземлился! Явилась реликвия! Почему ты у нас такая недисциплинированная, вечно опаздываешь?

Баба Яга:

– Ну, потерпи меня, долгожитель ты наш. Очень скоро я от вас улечу.

Змей Горыныч к обращаясь к Кощею:

– Про репатриацию в Израиль намекает. Кто ж тебя туда пустит? Ты же чисто русский персонаж!

Баба Яга с возмущением:

– Я чисто русский персонаж!? Да я, чтоб вы знали, я полукровка! По маминей линии я стопроцентная еврейка! У меня в Америке тетя Рахель живет!

Кощей Бессмертный с нескрываемой завистью:

– А-а! Так ты, значит, в Америку намылилась. Подумаешь, Америка! В Израиле, между прочим, ничуть не хуже. В Израиле уровень жизни гораздо выше, чем в Штатах.

Вытаскивает из потертого портфеля бритвенный прибор «Gilltte», сует в руки Бабе Яге треснутое зеркальце и, заглядывая в него, заскоблil станком по впалым щекам.

Змей Горыныч с иронией:

– Тебе-то об уровне жизни заботиться! Участнику столетней войны против Тевтонского Ордена! Лучше бы помолчал.

Кощей Бессмертный миролюбиво:

– Сам помолчи, жидовская морда.

Змей Горыныч:

– А ты какую имеешь в виду? У меня их три!

Баба Яга:

– Не вижу никакой разницы! Куда ни плюнь – попадешь по адресу.

Змей Горыныч с нескрываемой грустью:

– Я бы и рад, чтоб было так, только еврейской крови во мне не более, чем у Ивана-дурака. Бросаете меня, значит, эмигрируете. Что вам в России не живется?

Кощей Бессмертный:

– Он еще спрашивает? Много ли тебе дали за сосульку, что шарахнула тебя по балде? Еще вопросы будут?

Баба Яга:

– Лично у меня особых претензий к родине нет. Кануло, слава Богу в лето время когда в отделе магазина спрашивая про рыбу, отвечали, что у них нет мяса, а рыбы нет в соседнем отделе.

Поправляет на голове парик, достает из пачки «Прима» сигарету, закуривает.

– Просто это моя неумная страсть к путешествиям, стадное чувство и чувство романтики новых дорог.

Змей Горыныч:

– Стадное чувство? Какое стадное чувство, старуха? Да ты что? Ты же у нас одна такая на весь белый свет! Разовая, как и твоя ступа!

Баба Яга жадно затягиваясь:

– Ну, а ежели серьезно – то притесняют территориально! Третьего дня надо было мне в Беловежскую Пушу слетать по личным делам. Так, представляете, Лукашенко по тревоге воздушные силы поднял! Отдал приказ – при пересечении границы – стрелять на поражение! Сказал, мол, от своих белорусских колдунов никак избавиться не могу, так еще эта русская нечисть летит! Короче, что вам сказать? Повел себя как отъявленный Абу Мазен! Форменный антисемит! Одним словом, что там говорить, с наступлением весны – в Америку! К тете Рахель!

Кощей Бессмертный:

– Подумаешь Абу Мазен! Михаил Саакашвили покруче твоего Лукашенко будет!

Баба Яга:

– В этом ты прав. Грузинский отморозок Россию со змеем сравнил!

Змей Горыныч, встрепенувшись:

– Попрошу без намёков!

Баба Яга:

– Да ты тут ни при чем! Он сравнил Россию с гадюкой, которая готова «проглотить» его страну. Причём, как выяснилось, ярлык этот Москве достался вовсе не из-за грозности. Это кавказское лицо утверждает что земли Грузии это Абхазия и Южная Осетия. Якобы они были оккупированы дикими варварами! То есть нами!

Русской нечистой силой. Той силой, что одолевала блестяще и Хана, и Мамая, и Батые, и прочих исламистов – завоевателей земли русской! Никакая Грузия тогда там не ночевала даже!

Кощей Бессмертный:

– Однако ты летишь в Америку, президент которой не прочь принять Грузию в НАТО. Господь ему судья! Мне за другое душа болит!

Неожиданно запекает:

«Чито-грито, чито-маргарито, да!» Вахтанг Кикабидзе покинул Москву, уехал навсегда в Грузию. Перестал уважать и Путина и Медведева. Жалко! Такого артиста, такого мимино Россия потеряла! И ты старушка туда же! Потеряем мы тебя в Штатах!

Баба Яга:

– Я слава Богу не мимино! Летаю не на вертолёте, а на ступе. Говорю же вам! У меня никакой политической мотивации! Это просто моя неумная страсть к путешествиям! Решила для себя: хватит смотреть на мир глазами Сенкевича! Подумала: пока могу ходить надо летать! И не только на ступе а иногда на Боингах!

Кощей Бессмертный, кривляя Ягу:

– «На Боингах летать!» Иди, помойся вначале. Мы со Змеем уже попариться успели, а от тебя нафталином пахнет!

Баба Яга:

– Никакой это не нафталин, господин бессмертный, а французская парфюмерия, темнота. А помыться – я сегодня пропускаю.

Кощей Бессмертный забрал у Бабы Кощей сигаретку, затянулся:

– Чего пропускаешь-то? Когда снова помоемся!? Теперь только на будущий год Степаныч нам такой праздник устроит. Иди, пока вода горячая!

Баба Яга:

– Отстань! Не пойду, и всё!

Змей Горыныч:

– Ну, чего ты к ней пристал, мешок с костями! Нельзя ей сегодня. Она себя не очень комфортно чувствует. По-моему, у нас критические дни начались. Верно ведь, красавица?

Баба Яга, глядит на Змея испепеляющим взглядом, делает большие, выразительные глаза и крутит пальцем у виска:

– Ну, чего ты несешь при людях-то, галоша зеленая!

Кошей Бессмертный, не придавая никакого значения Змеиным словам:

– Подумаешь! Делов-то! У меня вся жизнь – критические дни! Сами посудите! Легко ли жить, когда ты здесь, а яйцо твоё в невесть каком сундуке за семью морями? Вот Средиземное переплыву, сразу стану к нему поближе. А то неудобно как-то – два уха, два глаза, две руки, две ноги, а эта деталька одна.

Баба Яга пытается украдкой заглянуть несчастному под простыню, ищет глазами детальку.

Змей Горыныч с пафосом:

– Недостаток яиц совсем не повод Отечество предавать!

Кошей Бессмертный:

– Да бог с ними, с яйцами! Я уже давно привык с одним обходиться! Труднее нищенское существование влачить! Посетил недавно департамент, где пенсии старикам назначают, так там сказали: имеешь свои 30 баксов – радуйся. Будешь надоедать – и эти деньги отнимем. Простреляли меня по компьютеру и говорят: ты у нас вообще проходишь, как бессмертный, а бессмертным по российским законам пенсия не полагается. Свободен, дедушка! Таким образом, сами выпихивают меня в Израиль!

Змей Горыныч грустно:

– Что же ты, Коша, будешь там делать?

Кошей Бессмертный:

– Во – первых, я там буду не Коша, а Иннокентий Бессмертный. Во вторых, открою кабинет экстренной помощи по прерыванию запоя и по восстановлению мужской потенции. Все-таки кое-какой опыт имею за 800 лет.

Змей Горыныч:

– Бросаете меня, стало быть.

Баба Яга покопалась у себя в целлофановом мешке, достала оттуда бутылку шотландского виски и пакет шоколадных конфет «Красная Шапочка».

Баба Яга:

– Не печалься, друг любезный. Даст Бог еще свидимся.

В дверях появляется банищик Степаныч, протянув руку с часами, показывает, что пора баньку закрывать. Спешно, второпях забулькало в разовые стаканчики спиртное.

Баба Яга:

– На посошок!

Выпивают, закусывают конфетами.

Змей Горыныч:

– Я что-то я не въехал. На посошок – это в связи с закрытием бани или по случаю вашего отъезда за бугор?

Кошей Бессмертный:

– Это по случаю празднования наступающего для тебя одиночества.

Баба Яга, подкрашивая губы:

– Правильно. А ты знаешь, Змей, что такое одиночество? Одиночество это когда некому напомнить, что ты козёл.

Змей Горыныч обиделся, засопел:

– Послушай, эмигрантка костяная, ты любишь грибы?

Баба Яга:

– Допустим люблю. А что?

Змей Горыныч:

– Запомни, старушка! Все грибы съедобные, но некоторые только раз в жизни.

Баба Яга:

– Это ты на что намекаешь, трюмо трёхголовое?

Змей Горыныч:

– Ни на что! Просто что касается меня лично, то я люблю запах сыра и хороших девочек. Хорошие девочки читают сказки, плохие – Камасутру, умные – медицинскую энциклопедию!

Баба Яга:

– Лично я читаю американскую декларацию прав человека, понял мальчик!

Кощей Бессмертный:

– Не самая правильная книга. Могу объяснить почему. Считаю, военное присутствие США в Афганистане и Сирии является элементарным нарушением прав афганцев и сирийцев. Кто-то живёт по Библии, кто-то по Корану, а кто-то по совести.

Баба Яга, с удивлением:

– Да ты что Коша! С луны свалился? Их никто не трогал, пока они отъявленной террористической банде ИГИЛ гнёздышки не свили. Зло должно быть наказано и Белый Дом их, уродов, наказывает! Мусульмане, как метастазы поражают Европу.

Змей Горыныч:

– Европу! Да у нас сегодня в России мечетей больше, чем церквей!

Выразительно читает:

Проснитесь же в русских домах!

«Авось» не спасет вас, как водится!

Встает на российских холмах

Мечеть Пресвятой Богородицы!

Кощей Бессмертный:

– И, тем не менее, с кем сегодня сражается США в Сирии? Кого они всё никак не могут победить?

Змей Горыныч:

– Сирийские патриоты дают отпор заморским оккупантам!

Баба Яга:

– Нет, не так. Сирийские варвары дают отпор попыткам Обамы научить их писать не в песок, а в писсуары. Другими словами американцы стремятся способствовать установлению там другого феодального режима. Недоумки они, а не мусульмане!

Змей Горыныч:

– А вот Талибы и Аль Каеда в Израиле...

Кощей Бессмертный резко перебивая:

– Хватит политзанятий! Не спрягайте святую землю всеу!

Змей Горыныч:

– В чём, чём? На их языке уже балакаешь?

Кощей Бессмертный, не обращая внимания:

– Мы слишком редко видимся, чтобы при встрече вспоминать всяких Аль Каедов. Провались они сквозь землю! Помылись, попарились – выходим во двор! К зиме! Все на лыжню!

Нечистая сила дружно поднимается и устремляется к выходу.

Сцена третья

НА УЛИЦЕ ПЕРЕД БАНЕЙ КОЩЕЙ БЕССМЕРТНЫЙ ВОЗИТСЯ С ЛЫЖАМИ, ЗМЕЙ ГОРЫНЫЧ РАЗМАХИВАЕТ КРЫЛЬЯМИ, БАБА ЯГА ПРОВЕРЯЕТ СТУПУ.

Змей Горыныч:

– Знаете ли вы друзья мои, что такое жизнь? Жизнь это не те дни, которые прошли, а те, которые запомнились. Нашу сегодняшнюю баньку я не забуду никогда!

Вытащил из-за пазухи веник, которым парился и стал старательно пристраивать его к Ежкиной палке.

Баба Яга дрогнувшим голосом:

– Оставь, Горыныч. Возьми себе на память. Когда будешь с ним в парилке – будешь вспоминать обо мне.

Обнимаются, Змей Горыныч пытается залезть Яге под кофточку. Та слабо отбивается.

Кощей Бессмертный:

– Змей, не распускай лапы! Как же ты без помела долетишь, не помытая наша?

Баба Яга:

– Не переживай за меня. Долечу на автопилоте.

Кощей Бессмертный, снимая только что надетые на валенки лыжи, обращаясь к Змею:

– На, дорогой Горыныч! Прокладывай в России лыжню по первому снегу и тоже не забывай меня!

Нечистая сила в один голос:

– А как же ты?

Кощей Бессмертный:

– А зачем лыжи мне в Израиле? Я там себе велик куплю. Кстати вы знаете, что такое цивилизованное государство? Цивилизованное государство это когда бомж катает академика на велосипеде. Это я про Израиль, кто не въехал.

ВЫХОДИТ АВТОР:

– Еще какое-то время топтались на снегу, обнимались и говорили теплые слова. Затем Степаныч с крыльца бани наблюдал, как, слегка разбежавшись, взмыл в ночное небо Змей. На его коротких ногах покачивались Кашеевы лыжи, а палки он держал под мышкой. Баба Яга привычно прыгнула в ступу, выстрелив в прозрачный воздух синей струей дыма, завела автопилот, сделала над баней круг и стремительно скрылась за верхушками деревьев. А банщик долго еще слышал, как в ночи скрипел и хрумкал снег – это Коша, преодолевая сугробы, торопился домой. Ему не было холодно. Шотландская бормотень приятно разливалась по нутру.

С тех пор прошло много времени. Так много, что Березовская банька пережила один пожар и два ремонта, а ее хозяин успел благополучно пройти полный курс, на котором ученые специалисты отучили его от алкогольной зависимости. Поборов в себе эту пагубную страсть, стал Степаныч владельцем небольшой бензоколонки. Но банные свои залы не оставил. Продолжал с удовольствием заведовать ими. И не от того, чтобы зарабатывать больше, сколько для общения с разными интересными людьми. А уж как был он рад, избавившись от зеленого змея, встретиться по весне с забытым Змеем Горынычем! Этого не передать! Тот свалился с неба неожиданно, как снег на голову.

АВТОР УХОДИТ.

Сцена четвертая

НА ШИРОКОМ КЫЛЕЧКЕ БАНИ СИДЯТ ЗМЕЙ ГОРЫНЫЧ И СТЕПАНЫЧ.

Степаныч:

– Подумать только, Горыныч! Как быстро летит время! Как будто только вчера мылись вы, нечистая сила, у меня в бане, а уже три года прошло!

Змей Горыныч тряся перед красным носом Степаныча голубым конвертом:

– Нет, ты послушай, что Баба Яга, женщина моя драгоценная, пишет из Америки!

Читает:

– Хэлло, дружок ты мой любезный, Горыныч! Вот пишу тебе, а перед глазами стоит у меня твой... этот..., этот..., ну, ладно..., это не интересно, тут личное... а вот нашел самое, самое! Работаю на мысе Канаверал, в центре подготовки астронавтов! Учю молодых кандидатов в космос преодолевать гравитационное поле и все такое прочее. До этого года два работала в Бруклине таксистом, осваивала английский. Кстати, я тут не Баба Яга, а Grand-Iahoo. Если бы ты улетел со мной, то в Диснейленде тебе бы цены не было.

В этом месте недовольно хмыкает, читает дальше.

– Получила недавно весточку из Израиля от Иннокентия Бессмертного! Пишет, что одолевает язык, что при необходимости – выручает идиш. Первое время с трудом привыкал к очень жаркому климату. Пишет, что буквально таял на глазах.

Степаныч:

– Это с его-то комплекцией! Живой снимок рентгеновский!

Змей Горыныч продолжает:

– Насилу адаптировался. Сейчас Коша работает платным тамадой! В домах престарелых для пожилых людей. Отмечает дни рождения и золотые свадьбы! Желает всем традиционное израильское до 120! А сам свой возраст от всех тщательно скрывает! Хвастается, что в каждом доме престарелых есть у него любовница! Интересно, что он с ними делает?

Степаныч с тревогой в голосе:

– А про арабов есть там хоть слово?

Змей Горыныч:

– Про каких прорабов?

Степаныч кричит в ухо Змея:

– Про арабов, говорю, про врагов ихних пишет что-нибудь Коша?

Змей Горыныч:

– А-а-а! Про интифаду, что ли? Так это здесь! Слушай, что Коша на эту тему Бабе Яге пишет. «Наша страна, старуха, не ваша американка Моника Левински! Она ни перед кем никогда на колени не бухнется, компрометирующих пятен на себе не оставляет! На том стояли, стоим и стоять будем!

Отрываясь от чтения:

– Слушай, что ещё пишет Коша старушке. «Стоит у меня перед глазами роскошный твой таз! Тоскую, окунуться в него охота – сил нет!» **Отрываясь от чтения:**

– Правильно заметил однажды Евтушенко Евгений. «Быть с женщиной правдивым невозможно, но обмануть её ни в чём нельзя».

Степаныч кричит в ухо Змею:

– У меня в Вологде есть человек, который за небольшие деньги может помочь тебе выиграть гринкарту! Хочешь полететь в Америку? Полетишь без проблем!

Змей Горыныч:

– Ты что офонарел! Не полечу ни за какие деньги! Сам посуди! Ну, улечу я, а как Россия будет жить без нечистой силы? Один Леший останется! Да и тот практически не функционирует! Ты можешь себе представить Русь без нас?

Русь без нечистой силы все равно что твоя баня без воды, все равно, что невеста без брачной ночи! Будет одна сплошная голая территория! Ни тебе вековой, загадочной таинственности, ни сказочной романтики, ни русского лубочного шарма! Что это будет за Родина, кишащая «ночными бабочками», олигархами, финансовыми пирамидами да киллерами!? Совесть мне гражданская не позволяет свалить! До конца дней своих останусь здесь! Я ведь как никак еще фигура колоритная! Я же фольклорный элемент!

Степаныч:

– Да, Горыныч! Может ты и прав! Знаешь, что я тебе хочу сказать? Чтобы почувствовать любовь к отеческим гробам надо чаще посещать баню! Это я тебе говорю!

Змей Горыныч, вытирая набежавшую слезу:

– Может слетать, взять чего? За отеческие гробы. Или лучше за твою баню?

Степаныч:

– Ни за что! Ни в коем разе! Я в завязке. Тем более знаешь, сколько водки ни пей, а организм все равно на 80 состоит из воды! Давай лучше попоём.

Запевает:

«Листья жёлтые над городом кружатся,
с тихим шорохом под ноги нам ложатся.

Змей Горыныч без всякого настроения подхватывает:

И от осени не спрятаться, не скрыться,
листья жёлтые скажите что вам снится?

Степаныч:

– Да не убивайся ты так отчаянно, Змей! Никогда не бегай ни за женщиной, ни за трамваем. Всегда придёт следующий.

Змей Горыныч:

– Только не надо путать мою женщину с трамваем. Это оскорбительно для нечистой силы. Она на ступе ездила.

Степаныч, не слушая:

– Хорошо не просто там, где нас нет, а где нас никогда и не было! Подумаешь Америка! Знаешь ли ты, что демократия с элементами диктатуры-все равно что запор с элементами поноса. Вот тебе и Америка.

Змей Горыныч:

– Заканчивай свой ликбез, банщик! Смени пластинку! Жизнь продолжается. Нет ли у тебя на примете какой работы для меня? Возьми меня тачки заправлять на твоей бензоколонке.

Степаныч оживился:

– Извини, старик, не могу. Не дай Бог, чихнёшь неожиданно – полыхнёт вся станция! Есть другое предложение! Пойдёшь? Наш, тутошний мясокомбинат приглашает пацанов на забойную и прикольную работу.

Змей Горыныч:

– Забойщиком свиней и коров что-ли? Совсем сдурел, Степаныч! Я мокрушником никогда не был и не буду. Мне бы наоборот что-нибудь по размножению доброго и вечного. По разведению ценностей непреходящих. Пастухом пчёл! Нектар собирать. Туда, где мёдом намазано!

Степаныч:

– А помощником библиотекаря пойдёшь, тут недалече, в селе Крайнем?

Змей Горыныч, на секунду задумался:

– Книжки раздавать? Помощником? А библиотека свободная? Ни под чьей крышей? Зарплатой ни с кем делиться не придётся?

Степаныч:

– Да какой рэкет в библиотеке? Ты что, Змей? И какой же русский сейчас книжки читает? Нынче они больше пишут!

Змей Горыныч:

– Всё, не уговаривай. Сейчас прямо туда и слетаю, полистаю книжки некоего русско-израильский писателя Дмитрия Аркадина. Говорят, складно пишет!

Степаныч, встрепёнувшись:

– А-а-а! Я слышал это имя! Он, кажется, был выдвинут на соискание Ленинской премии, которая присуждалась всегда ко дню рождения Ленина. Но автору не повезло. Пока раскручивали его имя, дни рождения Владимира Ильича перестали отмечать, Ленина незауважали, а вместе с ним и автора. Он обиделся – укатил в Израиль. И правильно сделал! Слышал, в Израиле сегодня его книги – бестселлер. Однако, оставь фонды, оставь Аркадина! Воскреси в памяти наше! Чисто русское! Читай Пушкина! На чём детство моё прошло! Тогда я ещё ни тебя не знал, ни другого змия зелёного, пропади он пропадом! **Обнимает Горыныча, начинает торжественно читать:**

У лукоморья дуб зеленый,
Златая цепь на дубе том.
И днем, и ночью кот ученый,
Все ходит по цепи кругом.

Змей Горыныч, подхватывает:

Пойдет на право песнь заводит,
Налево сказку говорит.

Вместе проникновенно читают:

Там чудеса Там леший бродит,
Русалка на ветвях сидит.

Змей Горыныч, трёт глаза и собираясь взлететь, расправляет крылья:

– Жизнь, конечно, не удалась, а в остальном все нормально, Степаныч.

Степаныч, машет рукой:

– Счастливого полёта! Дай тебе Бог, чтобы твоя взлётная полоса когда-то стала звёздной!
Неожиданно вдалеке ударяют церковные колокола.

Степаныч, встрепёнувшись и крестясь:

– Господи, как я забыл! Сегодня же Крещение Господне, Святое Богоявление!

Истово крестится, мелодично звенят колокола, банищик шепчет:

– И пришел Иисус из Назарета Галилейского и крестился от Иоанна в Иордане. И когда выходил из воды, тотчас увидел Иоанн разверзающиеся небеса и Духа, как голубя, сходящего на него. И глас был с небес: «Ты Сын Мой возлюбленный, в котором мое благоволение».

Степаныч шепчет, молитвенно сложив руки, молитву, всё отчётливей, всё ближе, всё явственней плывёт малиновый колокольный перезвон.

ЗАНАВЕС

У кого трава зеленей Пьеса в трех действиях

Действующие лица:

Юрий – в прошлом отставной советский офицер.
Элиана – супруга Юрия.
Оксана – лирическая героиня, пишет стихи.
Александра – домком.
Светлана – бывшая прима Костромского театра.
Лена – дочка Светланы.
Алла – аккомпаниатор женского хора.
Марина – в прошлом нотариус-юрисконсульт.
Татьяна – в прошлом зам. директора Одесского «Привоза».
Неля – зам. председателя избиркома штаба партии РИМ.
Яков Израилевич – пенсионер.
Семён Ефимович – пенсионер.
Серафима Петровна – гостья из России.
Люда – медсестра.
Рита – преподаватель фитнеса.
Тимур – сын Юрия и Элианы.
Виктор – привозит в Тёплый Дом всякие продукты.
Лёня – бабник из другого дома.

Действие 1

Ранее утро. На лавочке возле входа в дом, у подъезда, сидят Оксана и Яков Израилевич. У Якова Израилевича на носу очки, в руках газета, он решает кроссворд. У Оксаны ручка и блокнот. Задумчиво смотрит куда-то вдаль, потом быстро что-то записывает, снова задумывается, шевелит губами. Замечает в окне второго этажа Юрия в фуражке офицера Советской армии. Он громко поёт.

Юрий: – Как молоды мы были, какие деньги рыли, как верили в себя!

Оксана: – Юрий, не подскажете ли слово, которое рифмовалось бы с женским именем Нина?

Юрий (снял фуражку, трёт кокарду рукавом, тут же): – Буженина! Годится?

Оксана: – Одну секунду!

Пишет, шевеля губами. Потом читает вслух:

Артиллеристский стан Петрухи.
Аптека, улица, буфет.
Кормил он Нину средь разрухи,
потом сграбастал на лафет.
В ту ночь светилась счастьем Нина!
Хватило ей любви сполна.
Недорогая буженина,
в окне бесплатная луна.

(Кричит Юрию) В этом что-то есть! Спасибо за буженину!

Юрий: – Не за что! Ешьте на здоровье!
(Запевает).

Ничто на земле не проходит бесследно!
Особенно если ты жил очень бедно!

Яков Израилевич: – Юрий, пожалуйста, не подскажите ли мне слово. Вы же военный! Стреляли, я думаю, из всех видов оружия. Должны знать.

Юрий: – Какое слово? Валяйте, Яков Израилевич!

Яков Израилевич: – То, что стреляет в третьем акте?

Юрий: – Стреляет в третьем акте? В третьем акте стреляет радикулит! А в последнем стреляет уже не радикулит, а стреляет салют!

Яков Израилевич (горько усмехаясь): – Но мы уже его не слышим!

Оксана (оторвав голову от блокнота): – Яков Израилевич, пишите – ружьё!

Яков Израилевич наигранно: – Действительно ружьё!

Крутит рукою у виска и, смеясь, показывает пальцем наверх, где у окна стоит Юрий. Оксана улыбается, продолжает сочинять, шевеля губами. Яков Израилевич углубляется в кроссворд. Появляется Светлана, говорит по мобильному, не обращая ни на кого внимания.

Светлана: – Доченька! Ты не поверишь! Вчера получила эсемеску из Костромы! От помощника режиссёра нашего театра. Им срочно требуется героиня бальзаковского возраста! Сразу вспомнили обо мне! Оплачивают перелёт! Обещают мой бенефис! Доча, я решила лететь! Нет, не отговаривай! К чёрту прошлые обиды, оскорбления и сплетни! Надо быть выше этого! Я лечу! Что? Нет! Эвелину Крайнюю не утвердили! Почему? Ты спрашиваешь, почему? Да потому что им нужна героиня с длительным опытом девственности! Это я! Это про меня! А Эвелина девственницей никогда не была!

Из дверей выглядывает лицо медсестры Люды.

Люда: – Яков Израилевич, дорогой, домой! Время принимать лекарства! Три микстуры и в постель! Тихий час!

Яков Израилевич: – Тихий час, говорите? Меняю тихий час на вечный покой. (Сворачивает газету, старательно, долго надевает на голову выдавшую виду соломенную шляпу и, опираясь на палочку, с трудом поднимается, семенит к дверям. Оборачиваясь, Оксане) До завтра, Оксаночка! Вы стихотворение, которое не забыть! (Вдруг гладит её по голове; рука дрожит, старик часто-часто моргает глазами).

Оксана: – Что с вами, Яков Израилевич? Вам плохо?

Яков Израилевич: – Не плачь, потому что это закончилось. Улыбнись, потому что это было. Очень правильно замечено. (Скрывается за дверями. Оксана непонимающе смотрит ему вслед. Светлана, раскурив сигарету, продолжает разговор с дочкой).

Светлана: – Как откуда я знаю, что Эвелина не девственница? От нашего администратора Зямы Соломоновича! А его слова подтвердили директор театра и костромская футбольная команда с тренером во главе. Короче, бальзаковский возраст – это обо мне!

Голос Юрия (из окна второго этажа): – Позвольте вам напомнить, уважаемая Светлана, что бальзаковский возраст – это возраст женщины от тридцати до сорока лет.

Светлана (в телефон): – Всё, доченька. Меня отвлекают! Поговорим позже! (К Юрию) Вы, любезный, хотели что-то сказать про мой возраст?

Юрий: – Вы не тянете на бальзаковский возраст! Это особенно заметно сверху! Заметно, как ваших два задних полушария едва поспевают за вами! А потому ваш возраст ближе к мезозойской эре, чем к бальзаковскому возрасту!

Светлана (уперла руки в бока, кричит в ярости): – Я давно хотела вам сказать, Юрий: видеть вас – одно удовольствие! Вы, прикованный к инвалидной коляске, не теряете присутствие духа! Однако это не мешает вам порой вести себя по-хамски! Потому в такие моменты не видеть вас не то что удовольствие, а сплошное счастье! Так что закройте! Что вы знаете о театре? Что вы знаете о бальзаковских дамах, скалозуб вы наш грибоедовский?! Хрипун, фагот, созвездие манёвров и мазурки!

Юрий: – Карету мне карету! Сюда я больше не ездун! Или не ездец? Как правильно? Кто знает?

Оксана: – Полный абзац! Так правильно! Господа, перестаньте портить друг другу нервы! Светлана, вы заслуженная артистка Биробиджанской автономной республики. Не опускайтесь до уровня казарменных, армейских шуток.

Светлана хотела что-то ответить, но двери приюта открылись, появились Татьяна и Рита. Рита в импортном спортивном костюме, красиво облегающем стройное тело. У Татьяны в руке бумажный кулёк семечек, у Риты – хула-хуп. Поздоровавшись со всеми, присаживаются на скамейке.

Татьяна (грызя семечки, громко объявляет): – Ой, девочки! Шо я вам сейчас расскажу! Вы не поверите! Представляете, Майкин муж решил проверить, изменяет ему жена или нет.

Рита: – Ну и дурак он! Маечка – женщина порядочнее не бывает! Вчера у неё на глазах чужая собака нагадила прямо посреди тротуара! Так Маечка достала из сумочки туалетную бумагу...

Светлана (перебивает): – Да вы что? Задницу собаке подтирала?

Рита: – Да не задницу! Собрала всё в туалетную бумагу и отнесла в урну. Хозяин же собаки...

Татьяна (в нетерпении перебивает): – Да шо вы такое знаете, шо я вам ещё не рассказал? Во, послушайте! Я про другое! Вы не знаете Майку! Это такая богатая женщина, такая богатая... Вы бы видели, какой ковер она хотела купить! Так вот! Купила вместо ковра дочке пианино! Инструмент дорогой в новую квартиру! Мужик ейный сказал, что уезжает в командировку, а сам затих на балконе. На всю ночь затих под зонтом пляжным! Ночью слышит, как из спальни стал доноситься мужской голос: «Боком, боком, ножку вот прижми к себе... так хорошо... теперь спинку держи... так... я сейчас аккуратненько! Щас вытащу это, и будет ещё лучше» ... Пыхтение, возня, вздохи какие-то... Муж думает: «Щас сделаю тебе скандал! Будет тебе так хорошо, так весело!» Терпел, скрипел зубами, доказательства собирал! Так дрожал на диване – думал, лопнут пружины! Потом схватил скалку в муке после блинчиков с мясом, и с криком «убью» влетел в комнату! Смотрит...

Оксана (в нетерпении перебивает): – Ну же что там? Любовник! Да? Молодой?

Татьяна: – Та никакой не любовник! Смотрит, жена спит, а инструмент исчез! Нема пианино! Вытащили! Спустили на бельевого веревке.

На скамейке возгласы удивления и смех. Светлана ищет глазами, куда выбросить сигарету; не найдя, засовывает её в густой куст.

Светлана: – Всего-то делов! Подумаешь! Я уж подумала, Майке повезло больше, чем мне.

Татьяна: – А у вас шо украли, заслуженная вы наша? Девственность или шо?

Юрий (сверху): – Если девственность, то слава Богу! Радуйтесь! Теперь все роли костромских комсомолок ваши!

Светлана (обращаясь к Юрию): – Так и нет, Юрий! Я лишний раз убедилась в примитивности ума мужчин, в их неспособности ни к чему! Ах, эта пресловутая мужская готовность! Сила влечения и страсть! Это только в сказке у Филатова – красну деву взять да скрасть!

Только в сказках подлинные мужики встречаются! А в лифтах ездят сплошные совдеповские лохи! На кухне они титаны, а в постелях едва заметные титанчики!

Скамейка наперебой просит рассказать, что Светлана имеет в виду. Та достаёт из сумочки зеркальце, облизывает губы, поправляет причёску, рассказывает.

Светлана: – Поднимаюсь я, девочки, недавно в лифте с незнакомым мужчиной. Подымаюсь и чувствую своим измученным женским нутром огромный потенциал невостреченной актрисы!

Татьяна: – Так это шо? Лифт вниз не поднимал?

Светлана: – Поднимал, поднимал! Просто чувствую бесконечный, нетронутый, не использованный никогда до конца потенциал страстной красивой сексапильной женщины! Её любовный потенциал не растрочен! Ещё пару лет – и хоть опечатывай его! Жалко! Лифт поднимает меня, возносит, а напротив мужик, вроде ничего. Зубы свои рассматривает в зеркале. А мне хочется чего-то, а с кем, не знаю! Тут лифт вдруг остановился и свет погас. Темно совсем стало, как в хижине дяди Тома. Даже я бы сказала, интимно стало. «Делайте же что-нибудь, если вы мужчина! – не вытерпела, сказала мужику». – Сама уже и так и этак, и бретельку спустила, и пуговичку расстегнула, задышала глубоко. Вдруг он, представляете, полез в хозяйственную сумку, потом по запаху слышу – достал отдельную колбасу хлеб, масло и стал делать бутерброд.

Оксана: – Ну, проголодался человек! Что вы хотите? С работы, наверное.

Светлана: – Вот и я не вытерпела, спросила: «Вы что, голодный что ли, совсем?» – «Очень, – говорит. – Голод не тётка», говорит! И аппетитно чавкает бутербродом. У меня такой потенциал, что голова кружится, а он чавкает! В это время лифт пошел вверх, и вспыхнул свет. Вышел на своей площадке, колбасой не подавился! Голодный настолько, что сам себя лишил секса! Так теперь я вас спрашиваю: Где современные Казановы? Что с мужиками происходит? Перед ним такая дама, а он про голод! Это ж как надо есть захотеть, чтобы больше ничего не захотеть! Чтобы таким лохом быть!

Скамейка задумалась, оценивая ситуацию. Откуда-то из-за угла появляется Виктор.

Виктор: – Нет повести печальнее на свете – про Свету, что на половой диете! Хочу вам, Светлана, от имени всех мужиков сказать, что мы устроены так: чем дольше мы видим обычное лицо женщины, тем меньше запоминается нам грудь! У нас только ещё больше обостряется чувство голода. Другими словами – чем желаннее лицо, тем выше желание любоваться женской грудью у мужика, тем нестерпимее желание секса. В вашем случае он не рассмотрел ни вашего лица, ни ваших больших молочных желез, а захотел колбасы!

Светлана: – Да где же ему рассмотреть было! Бутерброд ему глаза затмил! Слюни пустил только на еду, а не на статную даму! Да ещё свет погас в лифте!

Виктор: – И слава Богу, что свет погас! Про какую вы статную даму? Что бы он увидел при свете?

Светлана (не обращая внимания): – При мне всё всегда на месте! А он про то, что тётка не голод, да бутербродом зачавкал! И потом – что это значит: «обычное лицо» и эти ваши «молочные железы?». Моё лицо и это (поднимет руками грудь) на улице не валяется! Это принадлежит заслуженной актрисе!

Виктор: – Что заслужили, то и носите на здоровье! Больше вам носить нечего!

Светлана (театрально, с изрядной долей артистизма): – Только бы вас не понесли! Глядя на вас, думаешь о вашем безответственном отце, который вовремя не предохранился! Вот же расплодилось по свету уродов! Понаехали тут! (Демонстративно разворачивается, уходит, театрально бросая на лету) О, Боже! Как утомляет симулировать нормальность!

Виктор (в спину уходящей): – Как я её понимаю! Правильно говорят – чем чаще женщина стонет ночью, тем она реже рычит днем. (Подсаживается к Оксане) Что пишем?

Стихи? Кстати, в Японии, я слышал, настоящим поэтом считается человек, который знает больше одной рифмы к слову «звезда». Вы сколько слов знаете, Оксана?

Оксана: – Странно, как это японцы могут знать это слово, если оно принадлежит исключительно русским.

Виктор: – Всё. Вы меня убедили! Вы настоящая поэтесса! Вы знаете это слово.

Оксана: – Да, знаю, но вам не скажу даже по-японски!

Татьяна: – Так и я знаю, шо это за слово! Меня туда племянник Славик всегда посылает. Я там чаще бываю, чем все вы на свежем воздухе.

Виктор: – Нет, Татьяна. На сей раз вы не угадали. Ваш Славик японского не знает. А вот поэтесса знает!

Оксана: – Я пишу стихи хокку, танка по-японски! И даже знаю китайский! (**Читает**) «Шаг за шагом мы приближаемся к вечности».

Виктор: – И это стихи? Так и я могу! А скажите хоть что-нибудь по-китайски.

Оксана (задумывается): – Что вам сказать? Знаете ли вы, как звучит одна китайская народная мудрость?

Виктор: – Не знаю ни одной китайской народной мудрости. Уж простите мою темноту! Вообще-то – я неплохо владел языком эсперанто, говорю по-немецки. В Израиле начинаю путать его с ивритом! Практики-то нет! Оксана, подарите хоть одну китайскую мудрость!

Оксана: – Китайская народная мудрость гласит: «не ссы!» То есть, будь безмятежен, как цветок лотоса у подножия храма Истины! Понятно вам! Запоминайте! «Не ссы». Кстати, я так дрожала перед обещанным разными колдунами и звездочётами концом света! Даже китайская мудрость не помогала!

Татьяна: – Ой, да не слушайте вы этих глупостей! Шоб мы так ходили к ним на именины, как они к нам на похороны! Оно нам надо! Я себе знаю, а вы себе думайте, что хотите. Весь мир ждал конца, а получил 11 сентября в Америке и арабского (**произносит, акцентируя ударение**) Насраллу у нас!

Рита: – Не знаю, как весь мир, у нас же конец света не наступил. Было хуже! Электрическая компания «Хеврата хашмаль» давала свет с перебоями. Короче, сказки всё это! Пока конец света не предвидится – надо оставаться в форме. Приходите ко мне на занятия фитнесом! (**Начинает на талии крутить хула-хуп, обращается к Оксане**) А слабо вам, Оксана, написать мне что-нибудь, что прославляло бы фитнес. Про фитнес – это вам не китайская мудрость! Тем более вы у нас проходите, как штатная поэтесса этого приюта несчастных комедиантов. Даже обещали повесить у меня в спортивном зале какие-то лозунги или стихи, которые рассказывали бы про этот комплекс упражнений для женщин.

Оксана (разглаживая лист блокнота): – Раз обещала, то сейчас подумаю. Для вашего фитнеса моего поэтического склада ума вполне достаточно. (**Задумывается, начинает писать**).

Татьяна (продолжает разговор о конце света): – Да не слушайте вы эти майсы! Особенно про конец света! Они сильно напомнили мне моего брата. Он всю жизнь копил, копил, собирал на чёрный день. Изорвал шесть настенных календарей, скопил на двести двенадцать чёрных дней, но ни один из них так и не наступил. Они наступили для меня!

Все смотрят на Татьяну непонимающе.

Татьяна: – Шо вам сказать? Брат всю жизнь крутит мне Фаберже!

Виктор (с удивлением): – Фаберже? У вас, Татьяна, знаменитая серия ювелирных изделий фирмы Карла Фаберже? Сколько у вас яиц?

Татьяна: – У вас на два больше! У меня – ни одного! Виктор, это я выражаюсь фигурально!

Виктор (раздосадовано): – Знаете что? Выражайтесь ясней или не выражайтесь совсем.

Татьяна стягивает с ноги зелёный резиновый сапог, принохивается, шарит внутри рукой, снова надевает.

Татьяна (объявляет):

– Стельки, слава Богу, на месте! Брат крутит мне Фаберже! А я ему – кубик Рубика! Опять же, Виктор, про рубики-кубики это я фигурально! Но шо я имела с Привоза так это таки да! Вам не передать! А тут могу себе позволить только крабовые палочки! Палочки мне, а брат забирает остальное! Так про шо это я? А, да! Казалось, шо брат от радости, что чёрный день не наступил, даст мне грошей на осуществление моей мечты – поездку в Турцию, Грецию и на Кипр! Так ведь нет! Только когда давал на поездку на Мертвое море и на Кинерет, был бледный как спирохета! Вы бы посмотрели на тот момент на этого патриота за мой счёт!

Оксана (неожиданно): – Готово! Готово про фитнес! Будете слушать?

Рита (перестает крутить хула-хуп): – Вы ещё спрашиваете! Читайте!

Оксана:

Рита – розочка в лесу!
По какой причине,
отдалась ты фитнесу,
как мачо—мужчине?
Мне продукты с жиром – ад!
Хлеба я ни крошки!
Фитнес – это гладкий зад,
ровненькие ножки!

Рита (восторженно): – Здорово! Классно! Вот! Вот она мудрость, я бы сказала, даже не китайская, а еврейская! Самую суть фитнеса вы ухватили! Точнее не скажешь: «Рита – розочка». Спасибо, Оксана! Надо будет на большом листе ватмана написать и повесить в спорт-зале.

Татьяна: – Та шо там китайская! Царь Соломон и то бы так не сочинил! Особенно мне понравилось про зад! Один к одному – это про мой! Гладкий! Сил нет! Гладить и гладить! Я уже не говорю про ножки. **(Задирает ногу в трико и в сапогах)** Как вам? Стройнее только у балерины Волочковой!

Виктор (иронизируя, насмехаясь): – Ваши ножки, Татьяна, стройнее, чем у Волочковой, если только выражаться фигурально! А иначе они – не скажу какие – другие!

С улицы появляется опрятная старушка в черной юбке, в белой косынке и кофточке с русским орнаментом. На шее золотая цепочка с большим крестом и распятием. С палочкой в руках тяжело подходит к скамейке. Скамейка наперебой:

– Как съездили, Серафима Петровна? Какая погода в Иерусалиме? На месте ли Стена?

Серафима Петровна (раздражительно ворчит): – А я её видела, эту Стену вашу? Мало я наплакалась в жизни, чтобы ещё у стены плакать? Я вам не княгиня Ярославна, слёзы лить у стены крепостной или у Стены Плача. **(Торжественно)** Я посещала священный центр христианской религии – храм Господний. **(Крестится).**

Виктор: – Опа-на! Так вы в стране иудейской живёте как паломница-христианка? Вот пример подлинной демократии – представители различных концессий имеют возможность поклониться нашему Христу.

Серафима Петровна: – Он такой ваш, как и наш! Ключи от храма хранятся в арабо-мусульманской семье, между прочим. Но это так, к слову, потому что я вижу, вы не верите ни во что!

Виктор: – Не верю. Что он сделал мне хорошего, чтобы я верил ему? Поэтому я безбожник. Таким он меня сотворил.

Серафима Петровна (правоучительно): – Бог любит тебя, потому что он – Бог, а не из-за того, что ты что-то сделал или нет.

Оксана: – Вот так вот, Виктор! А вы, безбожник, ещё про демократию говорите! Каин безжалостно убил своего брата Авеля, а Иуда на Тайной вечере заложил, предал Христа, и это, по-вашему, демократия?

Виктор: – Ну, когда это было! Но до сих пор бытует мнение Христа, что главные враги человечества это его и наши домашние.

Серафима Петровна: – Я приехала в Израиль только потому, что у нас церковь стала местом, где вера в Бога сильно колеблется. Олигархи безбожники оскверняют приход своим дешёвым пиаром и толщиной золотых цепей с распятием. Когда дьякон сказал: «Верьте моему Божьему слову, но лучше деньгами», сомнений у меня не осталось! Я эмигрировала в Израиль. И хочу вам заметить – каждую молитву заканчиваю воззванием ко Всевышнему, просьбой мира и благоденствия вашей многострадальной земле.

Татьяна: – Таки спасибо за это. Но всё-таки вам скажу! Одна ваша землячка со Львова не вписалась ни в олигархи, ни в столбовые дворянки, ни в депутаты украинской Рады так прикатила в Израиль и удумала стать иудейкой! Стала проходить гиюр!

Оксана: – Ну и как, прошла?

Татьяна: – Таки да! С третьего раза! Вышла из рабанута, перекрестилась: «Приняли, слава тебе, Господи!»

Серафима Петровна (тоже перекрестилась): – Прости её Боже! Иногда люди творят чёрт-те что, потому что не ведают, что творят. **(Неожиданно у неё звонит мобильный. Говорит в телефон)** Алё! Ми зе? А! Шалом, хавэр а-кнессет адон Барабасман! Ма нишма? Ани мецтаэрет аваль акшав ани ло ба-байт. Эйе ба-маком ахарей хамеш дакот! Титкашер элай, бевакаша. Еш ли машеу ше-ани цриха леагид леха.

Продолжая говорить, скрывается в дверях.

Оцепеневших на лавочке встряхивает голос Юрия.

Юрий: – Что ж ты так навьючилась, трест снабжения мой драгоценный? Мы же всё не съедем – только перекушаем!

С улицы на сцене появляется Элиана, жена Юрия. Она сгибается под весом пакетов и сумок. Запыхавшись, плюхается на скамейку.

Элиана: – Юрочка, сумеешь ли дотянуться до картошечки чищенной? Там она, на полке! Ставь на газ, я сейчас доползу!

Татьяна: – Я удивляюсь, Элиана, глядя на вас! Шоб вы так жили, как приbedняетесь! Шо за блокаду делаете вы своему Юрию? Вы так всегда нафаршированы едою, как гефилте фиш клёцками!

Элиана: – Ой, о чём вы говорите? Слава Богу, не блокада! Детей, внуков ждём сегодня! Попробуй-ка, одному дай халву с орехами, а другому не хватит! Будет катастрофа хуже блокады!

Рита: – Сами же их балуете – вот и результат.

Элиана: – Так кто же у нас, кроме внуков, есть? Супруг, скажете! Супруг не в счёт! Сегодня он как «мазган» – тебе нужен, но не знаешь точно, для чего! Не про моего, бедного, будет сказано. Знаете, девочки, какая у меня есть мечта! Хотя бы раз в жизни сходить с авоськой в ювелирный, а не в продуктовый магазин. Но что делать? У каждого свой крест! **(Хватает сумки, скрывается в дверях)**

Светлана (вслед Элиане): – Господи! В ювелирный! Ей мало бриллиантов! Они у неё только, по—моему, из носа ещё не висят!

Виктор: – Вот она – пресловутая человеческая зависть! Света, радуясь чужим успехам, старайтесь не скрипеть зубами.

Светлана: – Да чему там завидовать! Какие там успехи? Просто строит из себя страдалицу вселенскую. Мне б её заботы! Муж всегда дома, не гуляет, не пьёт, как у многих. С жиру она бесится! Ты ж понимаешь? Крест она несёт, надывается! Золотые кулоны да камни дорогие к земле её пригибают. Надывается она! Смех!

Рита: – А я недавно случайно видела, как Элиана заставляла сидеть несчастного Юрия в инвалидном кресле почти голого.

Виктор: – Да вы что? Не может быть!

Оксана: – Я давно знаю это. Терпит она его из последних сил!

Рита: – А на людях спекулирует на жалости, слезу выжимает на ровном месте. Внук их стоматологическую клинику открыл! Вы знаете, сколько тут зубной врач получает? Они с женой имеют две дорогуших «Мазды» и коттедж строят где-то в спальном районе Тель-Авива!

Светлана: – Если и надорвётся Элиана, то только бегая из банка в банк счета новые открывать! А вы не слышали – это правда что Александра, комендантша наша, уволила ни за что нашу консьержку Ольгу и на её место устроила сына своего любовника?

Виктор: – Это правда. Поэтому Александра стала меньше рычать на нас днём, а рычит по ночам с любовником. Любовник объявился, когда муж её Борис, прихватив сына, вернулся в Ташкент.

Рита: – Господа, я вдруг подумала, что это выглядит отвратительно! Что мы обсуждаем всех и каждого! Не красиво! Хватит трясти чужое грязное бельё! Это, по меньшей мере, бесчеловечно.

Виктор: – Правда, не хорошо. Но так было во все времена. Такова человеческая суть! Издревле пожилые люди рассаживались где угодно – от посиделок на завалинке в средней полосе России до международных форумов стариков и старух сегодня в интернете. Поверьте, есть такое. Рассаживаются они, и начинается стук молотков. Начинается распятие всех, кто попадает под раздачу!

Светлана (задумчиво): – А сына-то зачем он забрал?

Виктор: – Какого сына?

Светлана: – Зачем Борис сына забрал с собою в Ташкент?

Виктор: – Как выяснилось – спасал от службы в армии! Уж очень ему не понравилось, что сын может попасть в действующую армию. Он спортсмен, легкоатлет и чемпион по пулевой стрельбе! Сказали – только в боевые войска!

Рита: – А я слышала, что Александра, напротив, хотела, чтобы сын именно тут пошёл в армию.

Виктор: – Вот из-за этого разногласия они разбежались. Борис, считай, тайно выкрал сына у матери. Она узнала о том, что Фимка улетает, только через сутки в воскресенье, когда он был уже в самолёте. Говорят, врачи с трудом её откачали, насилу вывели из предынфарктного состояния!

Татьяна: – О, Господи! Каждый поц хочет своё кровавое воскресенье! Ну не идиёт этот Борис? Сейчас в российской армии жуткая дедовщина! Такая страшная, что западный берег с его арабскими бандитами из Рамаллы и Хеврона просто покажется гоголь-моголем! Бедный еврейский мальчик! Русский сержант будет проверять его обрезание! Не знаю, кого мне больше жалко – его или его маму!

Виктор: – Мама находит утешение в дочке. Та уже отслужила и учится на фармацевта, кажется.

Светлана: – Мир сошёл с ума! Девочки служат, парни от армии драпают, а матери мечутся между разлучёнными детьми и рыдают по ночам. Теперь мне понятно, откуда у Александры замкнутость и чрезмерная строгость!

Виктор: – Не знаю, рыдает ли она по ночам, но вы, женщины, такие – если мужья сбегают в Ташкенты, находите сто уловок, демонстрируя своё превосходство над всеми.

Рита: – Это не мир сошёл с ума! Это Израиль трещит, как пустой орех, ломая кровные, семейные узы, скрепляющие родителей с детьми, детей с внуками, разобщая людей, ломая судьбы и разбивая семьи. А потому такие дома, подобно нашему, растут как грибы после дождя.

Виктор: – Израиль не виноват. Он вынужден быть таким орехом, пока его окружают воинствующие арабы. Как это ни прискорбно, как это ни ужасно и противоестественно, но слово «мобилизация» еврейские девочки тут узнают раньше, чем слово «свидание».

Татьяна: – Полный облом, я вам скажу! Как это у Левы Толстого? Всё смешалось в доме Обломских.

Рита: – «Всё смешалось в доме Облонских», Татьяна.

Татьяна: – Ну, а я про шо? Толстой знал, про кого писать!

Из дверей дома появляется Алла, катит впереди себя фуршетный столик на колесиках. На нём небольшой термос, чашки, вазочка с сахаром. На полочке внизу – аккордеон. Ей помогает Тимур.

Алла: – Жильцы дорогие, по четвергам у нас не спевки, а чаепитие! Недели две не собирались! Присаживайтесь девочки, мальчики! Чай с ромашковым настоем. Говорят, очень полезен.

Виктор: – Чай с ромашковым настоем! С вами, Алла, даже кипяток пить приятно.

Оксана: – Правильно про чай из ромашки говорят. Такой чай стимулирует творчество поэта, когда мозг его мечется в поисках нужного слова.

Сдвигают стулья вокруг столика, наливают чай, ухаживая друг за другом.

Светлана: – Нам же, жрицам Мельпомены, никакой чай не помогает, когда мы мечемся в поисках значимой роли! Только уповаем на его величество случай.

Юрий (сверху): – Не печальтесь, уважаемая Светлана. Есть актрисы, у которых со случаем хуже, чем у вас. Перед самым отъездом сюда меня познакомили с актрисой настолько невезучей, что даже в туалетной бумаге с ароматом персика ей всегда попадались косточки.

Светлана поперхнулась чаем, громко кашляет, слёзы на глазах, все бросаются стучать ей по спине.

Алла: – Юрий! Вы что, присутствовали при этом? Вы отдаёте отчёт своим словам? Что вы несёте?

Юрий: – Что я могу носить? Интересный вопрос. Что бы я понёс, если бы мог ходить?

Алла (надевает аккордеон): – Бог ему судья, Светлана! Он и так наказан по жизни. Давайте лучше попоём. Не возражаете? **(Начинает негромко играть и поет вполголоса):**

«В ночь последнюю зимы,
ты мой нежно гладил локон.
Помнишь ласточку? Как мы
помахали ей из окон.
И пророчество твое,
до сих пор все пью до дна я.
«Одна ласточка – увы,
не весна еще, родная».

Татьяна (обращается к Алле): – Какая складная песня! Шо это? Шефутинский?

Алла: – Эта одна из последних песен моего сына. Он ее очень любил. С ней он стал победителем многих конкурсов. Даже одного международного. Она ему тоже очень нравилась.

Он собирался записывать ее с оркестром Олега Лундстрема для фильма «Влюбленный гладиатор», но не записал. Не успел.

Оксана: – Не успел? Почему?

Алла: – Мой сын пропал в Чечне. Прекрасный музыкант. Он был главным военным дирижером Северо-Кавказского военного округа. Началась война в Чечне, и он туда летал вместе с другими артистами: с Розенбаумом, Лещенко, с джазовым ансамблем Георгия Гараняна. Неожиданно пропал, в Россию больше не вернулся.

Татьяна: – Шо значит пропал? Музыканты нигде не пропадают! Он ещё вас заберёт на Брайтон—Бич! Помяните моё слово!

Алла (горько улыбается, склоняет голову к аккордеону, тихо поёт):

И пророчество твое,
до сих пор все пью до дна я.
«Одна ласточка – увы,
не весна еще, родная».

ЗАНАВЕС

Действие 2

Утро нового дня. Та же скамейка. Те же лица и новые героини – Элиана, Люда. Из дверей тёплого дома выходит Александра. В руках у неё выдавший виды зонтик. Она кладёт его на скамейку.

Элиана: – Это Роза попросила вас захватить на улицу её зонтик? Такая смешная бабушка! Недавно открыла мне тайну! Сказала по большому секрету! Знаете что?

Скамейка (в один голос): – Что?

Элиана: – Она сказала: «Знаете ли вы, Элиана, в чём секрет жизни? Весь секрет жизни в том, чтобы подготовить хорошие воспоминания».

Люда: – Ничего нового не сказала старушка! Старо, как трёхколесный велосипед! Кстати, мне надо вернуть ей 10 шекелей. Бабушка меня выручила в магазине. Вы не видели её, Александра?

Александра: – Она подготовила хорошие воспоминания и подалась в те края, где зонтиком не пользуются. Там никогда не бывает дождей.

Элиана (вдруг спохватывается): – Вот! Вот о воспоминаниях! Как вы думаете, уважаемая Александра, какие воспоминания оставите вы, если уже почти год я хожу за вами с элементарной просьбой – сделать проезд для коляски моего Юрия! Я же вам показывала такой высокий плинтус! Выезжая на улицу, нам ежедневно приходится преодолевать настоящий барьер! Коляска гремит, прыгает, и он прыгает в ней, как танкист в танке, подорвавшись на бомбе. А ему нельзя трястись! У него и так аритмия, пневмония, давление!

Неожиданно голос Юрия с балкона.

Юрий: – Элиана, дорогая, я тебя прошу, не надо на публике делать из меня беспомощного инвалида! Американский президент Рузвельт, прикованный, как я, к коляске, огромной страной управлял! Так неужели я буду скулить и плакаться перед нашей атаманшей? Да никогда в жизни!

Александра: – Не надо передо мной скулить! Есть у нас ящик для предложений и просьб, туда и опустите свою заявку на рассмотрение.

Юрий: – Я сам скоро в этот ящик костями лягу по вашей, Александра, милости! Только не дождётесь! Я батальонами командовал! Так неужели вашу стену не проломлю!

Александра: – Подумаешь, тоже мне батальонов командир! Если б вы сидели с Рузвельтом за одним столом – тогда да!

Юрий: – Сидели! Ещё как сидели! Вы как раз тогда под этот стол, за которым мы сидели, пешком ходили!

Александра (раздражительно): – Может и ходила! А теперь вы ходите за мной. А не надо за мной ходить. Я автографы не раздаю. Пишите просьбы в ящик жалоб и предложений.

Татьяна: – Та какой там ящик предложений! Шоб вы знали, Александра, для нас ваш ящик – наша родимая стена плача! Подходим к нему плача и опускаем свои записки, мокрые от слез. Кому проводку провести, у кого «мазган» не работает, у кого кран течёт – и никому никакого дела! Вот и рыдаем целыми днями у ящика-стенки. Потому как знаем: легче автограф у нашего премьер-министра получить, чем от вас электрика! Шоб я его видела на одной ноге, а он меня одним глазом!

Люда: – Услышите же голос народа, домком вы наш неподступный! Уж на какой золотой коляске должен подкатить к вам жилец наш – инвалид, муж Элианы?

Александра: – Не надо ко мне подкатывать! Я этого не люблю! Не забывайте, пожалуйста, мазганов много, а я одна! Кранов много, а я одна! Вас много, а я одна!

Татьяна: – Нас должно быть меньше! Меньше, чем голубей на памятнике Пушкину в день его рождения!

Элиана (спохватившись): – Кстати! Если мне не изменяет память, у вас же завтра день рождения, дорогая Александра!

Александра: – Нет, Элиана, память вас подводит. Мой день рождения ещё не скоро.

Элиана подсакивает к Александре, берёт её за локоть. Та вдруг замечает в руках Элианы прозрачный пакет, через который угадывается большая коробка конфет, ананасы, виноград и др. фрукты. Меняется выражение лица.

Александра: – Но вы знаете, как говорят дети: «Тепло, тепло». Сегодня день рождения моего сына. (Уводит Элиану несколько в сторону, принимает из её рук пакет). О! И не надо ни с кем вашему супругу сидеть! Ни с Рузвельтом, ни с Черчиллем! Надо, чтобы сын мой хорошо посидел! Не могу ничего придумать, чем его порадовать. Он такой у меня привередливый, вам не передать! (Делает большие глаза, шепчет Элиане) Будьте в среду после трёх часов дома, придёт мастер, сделает вам съезд для коляски. Это я вам обещаю – придёт обязательно, я лично проконтролирую.

Элиана: – Большое вам спасибо! В среду мы ни шагу из дома! Пусть сынок на здоровье кушает рижские конфеты и трюфеля!

Татьяна (громко): – Вот и все ля-ля-ля! Не подкатила, так подсластила! Слава Богу, хоть для одной несчастной кончился её ящик плача!

С улицы появляется Лёня. Он весь в джинсе, на носу крутые солнечные очки, на голове модно повязанная шелковая косынка.

Лёня: – Доброе утро! Шалом, подружки дней моих суровых!

С ним здороваются.

Оксана (склонившись над блокнотом, задумчиво):

– О, эта старость – невежество божье!

О, этот дар – жизнь свою раздарить!

Лёня (присаживаясь на скамейку): – Старость – это когда девочки по вызову приезжают на машине с красным крестом.

Люда щелкает сумочкой, достаёт оттуда пузырек красного лака для ногтей, начинает старательно красить ногти. Лёня достаёт откуда-то три алых розы.

Лёня: – Это вам, Люда! **(Поёт)** Алую розочку, красную розочку я тебе дарю!

Люда шевелит пальчиками, ждёт, когда лак просохнет. Осторожно берёт букет:

Люда: – Дарите мне? Спасибо, конечно, Лёничка. Очень приятно, но обернитесь вокруг – вы ещё такой молодой. Цветы – это давно уже не про меня!

Лёня: – Как это про вас! Как это не про вас! Ещё как про вас! Вот послушайте. «Спешите договориться с девушкой, пока она не смыла косметику».

Люда: – А о чем это я должна с вами договариваться? Если вы имеете в виду это, то хочу вам заметить, что от недостатка этого не умирают. Умирают от недостатка любви! А потому ничего не могу для вас сделать ни с маникюром, ни без!

Лёня: – Люда! Так любовь – это то, что случается с мужчинами и женщинами, которые не знают друг друга. Может мне не верить, но это сказал не я, а как его.... писатель Моэм, который Сомерсет. И, кстати, не еврей!

Голос Юрия сверху: – Он ещё и не то сказал! Он сказал ещё, что красивую женщину можно целовать без конца и ни разу не попасть в одно и то же место. Это проверено на моей Элиане! Эх, если бы я мог ходить! На руках бы носил её! Такая любовь! Никакому Моэму, никакому Сомерсету не снилась! **(Поёт)** Как молоды мы были, как безрассудно пили, как новобранцев брили, как верили в себя!

Появляется Виктор. Весь обвешен авоськами с продуктами. С ним заплаканная Сима, теребит в руках собачий ошейник. Она присаживается на скамейку и всхлипывает.

Лёня: – Что я вижу? У Симочки глаза на мокром месте? Что случилось? Не плачьте, Симочка! Хотите, я приглашу вас сегодня в кино на последний сеанс! Как в юности!

Сима только отмахивается и опускает голову.

Виктор: – Какое там кино! Товарищи! Найда у бедненькой пропала! Сквозь землю провалилась, как когда-то Атлантида!

Люда: – Что плакать-то сразу? Может, у подружки сидит!

Александра (раздражительно): – Откуда у вас такое обращение, Виктор «товарищи?». Нет в нашем доме товарищей, а есть пожилые и очень пожилые. **(Смотрит на часы, быстро уходит).**

Элиана: – Как страшно жить! Как страшно жить, если вокруг не товарищи, а только пожилые!

Сима (поднимает лицо): – Действительно, страшно! Не зря Найда сбежала. Ни у какой она не у подружки! Найда – это собака! Собака у меня потерялась! Как мне теперь без неё!

Люда: – Собака?! Всего-то! Подумаешь собака, какая-то! Другую заведёте!

Сима: – Собака не «какая-то!». Попрошу вас относительно Найды так не говорить. Я нашла ее ночью. Это ещё в Москве было. Подобрала щенка зимой у гостиницы «Пекин», возле площадки, откуда обычно отправляются в турне международные туристические «Икарусы». Отошел последний, с итальянцами. В клубах белого дыма, среди синих сугробов вдруг увидела, как панически мечется и скулит собачонка на холодной платформе. Пронзительно плачет, проваливаясь в глубоком снегу. Ее забыли, недосчитались иностранцы нерасторопные. **(Замолчала, всхлипывает)**

Лёня: – Может, объявление надо дать. Мол, потерялась собака такая-то. Подпалины на ушах!

Виктор (передразнивая Лёню): – Подпалины на ушах! Ты думаешь что говоришь? Объявление! Она же читать не умеет!

Сима: – Смеётесь.... Знаете, какой она девочкой была? С «Виагрой» пела, когда они по телевизору выступали.

Виктор: – Раз она такая музыкальная и грамотная – не заблудится! Вернётся ваша Найда! Нутром чувствую! А пока берите питы! **(Достаёт из большого пакета пакеты**

поменьше) У нас в Белоруссии говорили: «Скажи мне, что ты несёшь, и я скажу, где ты работаешь!» Актуален это афоризм и тут. Налетай, народ! Всем принёс, всех угощаю!

Народ со словами благодарности забирает пакеты.

Оксана (листая блокнот):

– Как штатный поэт нашего дома, не могу обойти без поэтического внимания бескорыстные поступки Виктора. Нашла время, подступило вдохновение – посвятила ему несколько строк.

Все (заинтересованно, дружно):

– Прочтите! Интересно! Слушаем!

Оксана (торжественно): – Как хорошо, что я еврей! Я так люблю фалафель! – глаза закатывал щенок, уткнувшись носом в кафель. А Виктор питы раздавал бесплатно – щедрый гений! А то, что безработный он – щенку было до фени!

Все восторгаются, хлопают в ладони, крики «браво» и пр.

Виктор (совсем не весело, почти мрачно):

– Вот, вот! Только щенку моя неустроенность до фени! А тем, кто мог бы помочь, тем ещё дальше! Оксана, щенок, может, и любит фалафель, а я это арабское блюдо ненавижу! Впрочем, как и всё остальное. Жизнь, как зебра. Черная полоса, белая полоса. А моя жизнь – сплошная чёрная зебра! Подарите листок с автографом на память! Спрячу под стекло, повешу на стену, пусть читают, не заглядывая через плечо.

Оксана расписывается, протягивает Виктору лист.

Лёня: – Тельняшка лучше зебры. У матросов всегда есть надежда на спасательный круг. А если серьёзно, старик, какие проблемы?

Виктор: – Это тут я питы таскаю, а в той жизни закончил МГИМО. Работал атташе по вопросам печати при немецком консульстве в Белоруссии. Но после развала «Союза Нерушимых» мы с мамой стали там совсем чужими. Зарабатывать было негде, жрать тоже нечего. Лукашенко позакрывал практически все посольства. В моём меня сократили. Лукашенко ввел жесточайшую диктатуру. С мамой мы бросили все, приехали в Москву. Тут-то и начались наши скитания. Она кое-что зарабатывала, торгуя на рынке, но ее оттуда выгнали.

Оксана: – Выгнали? За что?

Виктор: – Не дала кому-то из администрации рынка, мы не могли платить за комнату – нас выставили на улицу. Сначала тасовались на вокзалах, но вскоре менты нас выперли отовсюду. К этому времени мама спуталась с какими-то алкашами. По их наводке мы поселились в одном из подвалов «долгостроя». Там прожили около года. За это время новые приятели втянули маму в бесконечные пьянки. Как-то собутыльники угостили её паленой водкой. К утру мама умерла.

Виктор замолчал, похлопал себя по карманам, ища сигареты. Не нашёл, отвернулся.

Оксана: – Что же дальше?

Виктор (поднял лицо, глаза в слезах): – А дальше... Того, кто наливал маме, мне удалось разыскать. Бомж из Марьиной рощи, теперь лежит там где-то...

Люда (в ужасе): – Что вы с ним сделали? Вы убили его?

Виктор: – Зачем – убил? Он по пьяни под машину попал... Бог не фраер. Мне же практически сразу чужие люди помогли улететь в Израиль. Ну и достаточно воспоминаний, ласкающих душу. Жизнь продолжается, пока земля ещё вертится, как это ни странно.

Появляется Рита.

Сима: – Сколько вижу вас, Рита, всегда любуюсь вашей фигуркой. У вас, наверное, знаменитые 90,60, 90?

Рита: – Нет. Но у меня похожие параметры. Потому что я провожу занятия фитнесом. Для того, чтобы красиво выглядеть, выглядеть моложе своих лет, надо не лениться, не семечки

беспрестанно грызть, как одна наша знакомая, а, занимаясь фитнесом, достичь гармонии тела, здоровья и красоты. Запомните это, девочки, приходите на мои занятия. Вспомните уже хрестоматийные эти строки. Они висят почти на всех этажах:

Мне продукты с жиром – ад!
Хлеба я ни крошки!
Фитнес – это гладкий зад,
ровненькие ножки!

Сима (растерянно): – Да... да помним... Вы и в России занимались этим... как его, фитнесом?

Рита: – Нет. В России я была учительницей русской литературы. Фитнесом стала заниматься, если честно, не от хорошей жизни. Но несколько сейчас об этом не жалею, если Сима замечает мою фигуру. И поверьте мне, не только Сима. У меня был ученик, все его сочинения были готовые юмористические монологи для Хазанова. Мне запомнилось, что написал он о Гоголевском герое. «У Ивана Ивановича была своя цель в жизни, но он в нее не попал». Сегодня это точно обо мне. Репатриировалась в Израиль, но в цель не попала – преподаю здесь не русскую литературу, а разучиваю упражнения для беременных женщин. Так что вы, Виктор, не одиноки.

Виктор: – Это не ваш ученик написал: «Доярка сошла с трибуны, и на нее тотчас же влез председатель».

Рита (смеётся): – Может, и мой, не помню.

Из Теплого дома выходит Светлана. Как всегда общается с дочкой по мобильному телефону.

Светлана:

– Доченька! Ты не поверишь! Вчера получила эсэмеску из Нью-Йорка! Русский театр верхнего Манхэттена «Арроlo» приглашает меня на уникальную роль! Ты не поверишь! Угадай, кого я буду играть. Нет, не Анжелу Дэвис. Да ты что! И не Маргарет Тэтчер. Лечу репетировать нашу Голду Меир! Оплачивают перелёт. Обещают бенефис. Их главный режиссер Шлагбаум Сигизмунд только во мне из шести претенденток рассмотрел Голду! Сказал, сходство стопроцентное. Фигуры один к одному. У меня даже грудь больше! Где, где рассмотрел! Конечно, не в Караганде! В интернете! На моей персональной странице! Я не кричу! А где ты?

Появляется Лена – дочка Светланы. В руках пакеты с апельсинами, яблоками, различные соки и напитки. Светлана продолжает:

– Доченька! Гордись мамочкой! Я буду играть в театре, в котором выступала Элла Фитцджеральд и Луис Армстронг! Жить буду в знаменитом отеле «Тереза», в котором проживали Хрущев и Фидель Кастро!

Сверху раздаётся голос Юрия:

– Над седой равниной моря гордо реет Голда Меир! Чёрной молнии подобна! И крылом волны касаясь, вместе с нею улетаёт постановщик Сигизмунд!

Светлана (кричит наверх): – Вы всё никак не угомонитесь, настоящий полковник! Вы напоминаете мне порядочного человека. Порядочный человек – это тот, кто выкрикивает гадости без удовольствия. Таких бессовестных людей в 18 веке вызывали на дуэль! Ваше счастье, что я слабая женщина, а ваше везенье в том, что вы не ходите, и я не могу пригласить вас к барьеру. О! С каким бы удовольствием я всадила бы пулю в ваш медный лоб!

Голос Юрия: – Вы бросаете мне перчатку! Извольте, дама, я принимаю ваше предложение! Будем стреляться с шести шагов! Я их сделаю! Я ещё приду к вам!

Лена (негодуя, в нетерпении): – Господа! Дайте мне слово сказать! Мамочка, как ты могла забыть о сегодняшней встрече с профессором, Я только что получила звонок от него!

Прогнозы совсем не весёлые! Срочно едем! Он ждёт! (**С горькой иронией**) Для тебя уже горят яркие лампы, выстроены стерильные декорации, разложен реквизит, и ассистенты наготове! Они только ждут твоего появления и реплики главного действующего лица в белой маске: «Начали!». Я захватила твой любимый мохеровый халат и обожаемую тобой массажную щётку. Так что, в дорогу! Промедление смерти подобно!

Светлана (ни о чем не догадываясь, возвышенно): – К сцене, к свету рампы, к аплодисментам я всегда готова! Говорят, что американцы сидят на диетах, русские на собраниях, а еврейские актрисы всегда на чемоданах! Едем, дочка! Нет маленьких ролей, есть непомерные амбиции привередливых артисток! Манхеттен за нами! Вперёд, пока не дали третий звонок!

Светлана подхватывает мать, они стремительно уходят. Из дверей выходят Марина с Семёном Ефимовичем. У Марины подмышкой рыжая кошка, пенсионер же, приставив ухо к большому транзистору «VEF» и присев на скамейку, слушает радио.

Лёня: – Семён Ефимович, что передают? Какие новости?

Семён Ефимович (оттопыривает ухо): – А? Что вы сказали?

Лёня: – Говорю, что нового в мире?

Семён Ефимович: – Что нового у Миры?

Люда: – Говорите с ним громче! Он ничего не слышит!

Лёня (кричит): – Что нового в мире, я спрашиваю!

Семён Ефимович: – А! Что нового в мире? Предают, что большинство стран в Европе решительно осуждают нашу оккупацию и контроль в секторе Газа. Но вы знаете, слава Богу, что есть такие сильные государства, которые солидарны с нами и готовы вместе бить арабов!

Лёня (кричит): – А какие это сильные государства?

Семён Ефимович: – Это такие государства, как Микронезия, Палау и Науру.

Люда: – А где эти страны находятся?

Семён Ефимович: – А! Что говорите?

Люда (кричит): – Я спрашиваю, где такие страны есть?

Семён Ефимович: – На Маршалловых островах!

Лёня (театрально причитает): – О, мой несчастный народ! О горе мне! Наша защита на Маршалловых островах!

Виктор (подхватывает): – О, позор на мою седую голову!

Юрий (сверху): – О, век свободы не видать ни Маршалловым островам, ни сектору Газа, ни отставному полковнику!

Семён Ефимович ничего не слышит, одобрительно кивает головой. Склоняет голову, снова слушает транзистор.

Лёня: – Вот не зря говорят: чтобы оценить прекрасное нужно побывать в Микронезии. Там такое!

Семён Ефимович (неожиданно обращается к Люде): – Люда, у меня всё время звенит в ухе! Что делать?

Люда (не задумываясь): – Просто не отвечайте, Семён Ефимович!

Лёня: – Мариночка, присаживайтесь к нам! Как к лицу вам этот рыжий кот! У вас с ним один цвет волос!

Виктор: – Разуй глаза, старик! У Марины чёрные волосы! Ты что, не видишь?

Марина: – Ваш приятель, наверное, думает, что если я в СССР была нотариусом-юрисконсультантом, а тут оказалась незатребованной, то он может отпустить в мой адрес разные колкости!

Лёня: – Мариночка, вы ещё как затребованы! Вы не представляете, как вы затребованы, когда вашего слабого женского пола нам так не хватает!

Виктор: – Дело в том, Марина, что Леонид с ума сходит от мысли, что если у него нет своей дамы, значит у кого-то их две! А то, что он про одинаковый цвет ваших волос с шерстью кота, так Леонид – дальтоник! Цвета не различает с первого раза. Присаживайтесь к нам.

Марина опускается на скамейку с котом на коленях, гладит его.

Марина: – Нет, если без шуток, то кот – животное, которое потерять порою жалче, чем собаку. Жаль только, что на свете есть много памятников собакам, и нет ни одного памятника кошкам!

Виктор: – Вы не правы. В Севастополе есть памятник кошке! Матросу по фамилии Кошка.

Марина: – Ну, это совсем другая история, Виктор. Кошка матросу не товарищ! Заверяю вас как нотариус! Почему мне, нотариусу высшей категории, вчера вдруг приснился песок, много песка? Кто знает, к чему бы это?

Лёня: – Я знаю. Это, Мариночка, к тому, что скоро мы будем лежать с вами на золотом песке в Карловых Варах!

Марина: – Ну, если у вас найдутся средства на открытие моей нотариальной конторы, то считайте, что мой сон – вам в руку! Считайте, что мы уже загораем на золотом песке и листаем роскошные буклеты моей фирмы!

Лёня (радостно): – Нет проблем! (**Пританцовывая, запекает**) Вижу тени наискосок, рыжий берег с полоской ила. Я готов целовать песок, по которому ты ходила!

Света (к Марине): – Не слушайте вы этого человека! Он вам такое напоёт. По женскому соннику песок во сне может предвещать только бедность, утраты и старость. Какие пески в Карловых Варах он может обещать вам? Пока Леонид соберётся увезти вас туда, из него свой песок начнёт сыпаться.

Лёня (опускаясь на место): – Такую песню вы, Светлана, испортили! Говорят: «Красиво жить не запретишь». Но такие, как вы, норовите помешать этому.

Виктор: – Перестаньте ссориться! Лучше скажите, знаете ли вы, откуда, пришло это выражение: «песок сыплется»?

Все пожимают плечами.

Виктор: – Поговорка эта зародилась в XVIII веке, во времена аристократических балов. Некоторые немолодые господа привязывали к своим рукам и ногам в нужных местах мешочки с песком, чтобы имитировать выпуклости от крепких мускулов. Свои родные мускулы из-за возраста уже скукожились и увяли, как розы.

Татьяна (перебивая): – Я знаю одно самое нужное место у мужчин, куда песка больше всего надо!

Виктор: – Татьяна, это каждому индивидуально! Я про другое. Порой случались казусы, когда мешочки оказывались с дырочками, или верёвочка была плохо завязанная. Господин спешил, а с него натурально сыпался песок. Вот оттуда поговорка про сыпучий песок.

Юрий (сверху): – Дополняю версию! И немолодые дамы использовали этот приём для придания своим бывшим округлостям большего объёма. И на своих любовных ложах они часто оставляли целые горсти песка. Вследствие любовной страсти он активно сыпался. Как они страдали от этого! На счастье современных дам сегодня есть силикон. Сегодня ничего в постель не сыпется. Ничего, кроме валюты.

Татьяна (многозначительно): – Теперь мне понятно, почему дом, в котором я живу – сплошь на песке! А говорят, у сегодняшних мужиков только часы стоят. Неправда! Иначе откуда ж тут песка, как на пляже Лонжерон? Сыпется из всех щелей. Песчаный карьер отдыхает!

Виктор (смеясь): – Люди! Надо подсказать Александре, чтобы она повесила такое объявление: «Господа! Если вы решили потряхнуть стариной, позаботьтесь, чтобы под рукой у вас были совок и веник».

Лёня: – Иначе бесплатный строительный материал пропадает, остаётся бесхозным.

Оксана (задумчиво): – Строить замок на песке лучше с кем-то. Когда он рухнет, останутся воспоминания про того с кем ты его строила.

Рита: – Вот слушаешь вас, и дом этот представляется мне одной большой песочницей. Последним пристанищем пожилых в стране, которой они не очень нужны. Да что там стране! В них не особенно нуждаются их дети. Они в этой песочнице появляются редко. Новый год приходит чаще. И сидят в ней старики и старухи, из ведерка в ведерко пересыпают песок – свои стремительно ушедшие лета, не забывая обсудить, чьи дети купили кому совок дороже, да у кого песок чище! Как в истории с соседом – у кого трава зеленей.

Татьяна: – У какого соседа?

Рита: – Это пословица английская. Суть её в том, что всегда кажется – газон у соседа более зеленый, чем собственный. Когда вы идете по своему участку, то видите все недостатки, комья грязи, выцветшую траву. Сосед же, кажется вам, топчет алмазы в траве под ногами. Раскройте глаза шире, дорогие мои, взгляните, может вы тоже не замечаете своих алмазов. А песок тем временем продолжает струиться сквозь пальцы, как канувшие годы жизни. Жизнь, что проشمгнула, как злая соседка. Бог мой, как проشمгнула жизнь! Я даже никогда не собирала грибы!

Света: – Ой! Я вас умоляю, только про одиночество сейчас не надо! Не такие вы все здесь одинокие! Песочница ваша большая, в ней есть с кем меняться ведёрками.

Рита: – Только товарищам в ней места нет, как заметила Александра. А потому одиночество разным бывает.

Татьяна: – Одиночество – это когда тебя некому забрать из морга.

Марина: – Татьяна, не смешно! Оставьте свой черный юмор! Я думаю, что какой бы старость ни была благополучной, то всё равно страна самого высокого уровня жизни будет всегда виновата в старческих Паркинсонах и Альцгеймерах. Это особенно характерно для израильских стариков и старух, приехавших из России. В их сердцах бьется, конвульсирует великая драма несоответствия между тем, кто они были там и кем они стали тут. И сердца не выдерживают. Их не окликнули вовремя, и они состарились, ничего не успев в новой стране. Эта альтернатива бывает порой для пожилых мучительней, чем умереть молодым.

Света: – Вас всех слушаешь, так старикам лучше выходить в открытый космос, чем на пенсию.

Демонстративно встаёт, уходит. Появляется Алла с аккордеоном в руках.

Алла: – Здравствуйте, жильцы! Как было сказано в одном хорошем кино – человек поёт тогда, когда ему хорошо. Сима! Уверю вас – с пропажей вашей Найды жизнь не останавливается! Умейте радоваться жизни, чтобы ни случилось. Для того, кто не умеет радоваться жизни, время пребывания на земле проходит быстрее! И еще: никогда ничего не откладывайте на потом! Нам всем, жильцам этого нескучного социального жилья, уже много лет. Нам столько лет, что откладывать уже некуда. Да и вообще – кто откладывает свою жизнь на потом, сам ворует у себя. Живите и радуйтесь сегодня! Пусть даже кто-то посмеётся над вашей способностью просто радоваться дереву эвкалипту, синим волнам на море, дождю, солнцу, улыбке ребёнка!

Лёня (перебивая): – Точно замечено! Я бы предпочёл, чтобы надо мной смеялись, чем плакали надо мной!

Алла: — Завтра у нас будет радость! Завтра в Теплом доме встреча с Дмитрием Аркадиным! Кто его не знает, объясняю: он пишет! Прозаик! Вход бесплатный!

Виктор: – Пишет про заек?! О! У меня начинается мигрень! (Хватается за голову) Среди нас таких нет, кто в детство впал! Одна радость – вход бесплатный! Я бы себе этого не простил – сказки про заек слушать за деньги!

Алла: – Виктор! Не сказки про заек, а человек писатель – про-за-ик! Жанр литературный такой. Очень интересный писатель! Его книга в России даже была выдвинута на соискание Ленинской премии, которая присуждалась всегда ко дню рождения Ленина. Но автору не повезло. Пока раскручивали его имя, дни рождения Владимира Ильича перестали отмечать, Ленина не зауважали, а вместе с ним и автора. Он обиделся – укатил в Израиль. И правильно сделал! В Израиле сегодня эта книга – бестселлер! В общем, завтра у нас радость – встреча с писателем!

Алла играет что-то очень знакомое публике, песню ретро 60-х.

ЗАНАВЕС

Действие 3

Юрий сидит на балконе, в своём кресле. Задрав ногу, неумело перебинтовывает её несвежим бинтом. Дадётся ему это тяжело, когда отдыхает, подносит к уху телефон, сосредоточенно ждёт звонка. За спиной хлопает дверь, входит Тимур.

Тимур (удивленно, с тревогой в голосе, складывая в угол пакеты с продуктами): – Папа, что случилось? Что с ногой?

Юрий (виновато улыбаясь): – Ничего страшного. Могло быть и хуже. Не обращай внимания, уже всё прошло.

Тимур: – А что было? Папа, скажи, что произошло?

Юрий: – Да понимаешь, вдруг приспичило на свежий воздух. В массы, к людям, что сидят у входа внизу. Да забыл, что съезда для моего двухколесного танка нет. Так грохнулся с высокого бордюра! Перевернулся аккурат на левую ногу. Кажется, сухожилие потянул, да гематома образовалась. Ерунда, одним словом! Только побаливает немного.

Тимур: – Как ты мог забыть про опасный спуск! Почему поехал без мамы? Ну, я этой вашей Александре устрою весёлую жизнь! Хватит! Верить больше их обещаниям не буду!

Юрий: – Я тебя прошу, не вмешивайся! Сами разберёмся. Лучше расскажи, как ты, как дети? Асма дома, на работе, как она?

Тимур: – Дома всё в порядке. Про Асму, я тебя прошу, ни слова. Всё у неё замечательно. Лучше скажи, компресс ноге тугой сделал, смазал ушиб чем-нибудь? Может, врач нужен?

Юра: – Ничего не надо! Уже лучше. Успокойся, присядь. Я хочу с тобой обстоятельно поговорить. Почему про Асму ни слова? Что происходит у вас?

Тимур: – Папа, помнишь: «Важней всего погода в доме. А остальное ерунда». Погоды в доме нет. У Асмы своя жизнь, у меня своя. Единственное, что радует – дети накормлены. Мама же занята своей карьерой и подругами.

Юра: – А ты хотел, чтобы она занималась мужиками?

Тимур: – Да ради бога! Это убедительная причина для развода. Но у меня к ней свои счёты.

Юра: – Всё-таки о разводе думаешь! Да, сынок, я предупреждал тебя, чуяло моё сердце. Мало русских девочек было вокруг? Но ты и слышать ничего не хотел! Не слушал ни меня, ни маму!

Тимур (нервно): – Папа, или мы меняем тему, или я ухожу! Я сам во всём разберусь!

Юра молчит, потирает ногу, деланно морщится, постанывает. Жалостливо смотрит на сына. Тимур обращается к отцу, доставая и складывая на столике продукты.

Тимур: – Я тут недавно, батя, вспомнил, как я ещё школьником был, и ты взял меня на рыбалку.

Юра: – Это когда мы ходили на Крутую Балку? С тобой мне всегда везло! Четырёх лещей я тогда подсёк. Настоящий улов тогда был!

Тимур: – Я сейчас не про улов, батя. Я про то, как заигрался и свалился с этой балки. Помнишь, упал, распорол острой ракушкой пятку? Кровищи было! Ты страшно напугался, но не запаниковал, оторвал от рубашки рукав, мастерски перевязал, туго перехватил ногу выше лодыжки и остановил кровь.

Юра: – Двенадцать километров нес тебя на загровке к сельскому доктору. Последними словами клял себя, за то, что не увидел, что ты взбираешься на утёс.

Тимур: – Глубокий шрам на пятке до сих пор остаётся для меня приятным воспоминанием, свидетельством твоей отцовской теплоты и нежности. Как давно это было! Как всё переменялось! И теплота, и страна, и мы другие.

Юра: – Нет, всё возвращается, сынок! Это у меня сейчас колото-резаная пятка, и ты меня тащишь с той же рыбалки. Страна может быть другая, но вот ты заскочил к старику, и твой приход для меня лучше всякого лекарства. И Израиль роднее.

Тимур: – Честно скажи, болит тебе сильно? Может, надо ногу врачу показать, массаж, может, нужен?

Юра: – Не надо ничего, Тимурчик. У меня из головы не идут твои отношения с супругой. Про внуков думаю. Почему ты не приводишь их к нам?

Тимур: – Батя, о себе думай, о здоровье своём. О маме думай. С внуками всё в порядке. День у них начинается с «бокер тов», «аба, дай кесеф и бай». Школа, пацаны, компьютер – и ни слова по-русски. Дерьмовый я родитель. Времени на них у меня практически не хватает. Ни у меня, ни у неё. А у них нет времени на вас. Но вы с мамой их ждите, придут как-нибудь.

Юра: – Придут, конечно. Когда деда вперёд ногами потащат. Времени мало осталось. Прошу тебя – придите вместе. Бабушка сырники им сделает, пальчики оближешь! Не арабский фалафель – малафель! А я им русские книжки почитаю.

Тимур: – Приведу обязательно! Может на выходные, если у компьютера их отобью. (Подошёл сзади, обнял отца за плечи) Смотрю на тебя и думаю порой, что так было испокон веку – человек всегда страдал больше всего от тех, кого больше всего любил. Это точно о тебе! Прости, отец, меня и не обижайся!

Юра: – Времени на обиды уже нет. Согласия бы достичь хоть немного. Что же мы живём как на вахте: сдал, принял, пришёл, ушёл. Семья наша осталась только на черно-белых фотографиях.

Тимур: – Да, батя, самое ужасное, что с этим надо согласиться. Помнишь, ты мне читал, когда я в третьем классе ангиной болел.

«Я – маленький, горло в ангине.
За окнами падает снег.
И папа поёт мне: «Как ныне
Сбирается вещий Олег...»

Юра (заморгав глазами): – Ты помнишь? Помнишь эти строчки? Сынок, это Самойлов. У тебя температура тогда была, а я наугад открыл книжку и не читал, а пел, как колыбельную, чтобы ты уснул. (Закрыв глаза рукой, читает):

Я слушаю песню и плачу,
рыданье в подушке душú,
и слёзы постыдные прячу,
и дальше, и дальше прошу.

Тимур (подхватывает, читают вместе):

Осеннею мухой квартира,
дремóтно жужжит за стеной.
И плачу над брэнностью мира,
я – маленький, глупый, больной.

Прочли, замолчали.

Тимур (взял отца за руки): – Мне пора, батя, поставь галочку – четверг, сын явился. Жаль, мамы не дождался. Поцелуй её за меня. Продукты сложи в холодильник.

Юра: – Ты же знаешь, где её носит! Подрабатывает она – старушку выгуливает по четвергам. Выверни по ранжиру свои отношения с Асмой, как старый солдат тебя прошу! Сделай погоду в доме! Мужик разводится – это белый флаг! Позорное отступление, проявление слабого характера и мальчишество!

Тимур: – Правильно, батя! На войне как на войне. Тут важно, кто её объявил. Она! И на своём убогом марокканском языке! Но только всё у нас будет, как говорят по-русски, «аколь беседер, отец!» Береги ногу, Сеня! Помнишь советское кино? Хорошо посидели.

Обнимает отца, выходит. Юрий сидит в глубокой задумчивости. Долго сидит. Потом с отвращением резкими движениями руки разматывает ногу, бинт швыряет на пол, шепчет ругательные слова.

Юра: – Кончен бал, погасли свечи. Давайте занавес! Старость это когда с протянутой ногой сидишь в ожидании запоздалой милостыни. Ты получил её. Греми алюминиевой кружкой и вон со сцены!

Тимур выходит из дома после напряженного разговора с отцом, садится на лавочку, закуривает. Появляется Лена.

Лена: – Так часто встречаемся под крышей этого дома, но никогда не видела вас курящим.

Тимур молчит, курит, сосредоточенно о чём-то думает.

Лена: – Я вам не мешаю? О чем вы думаете?

Тимур курит, молчит, долго смотрит на Лену, не сводит с неё глаз.

Лена (в сторону): – Прямо Сократ какой-то. Господи, как одиноко! Говорят, кризис возраста. У меня тяжелей. У меня кризис с матерью. (**Задумавшись**) Мы молодые, пока наши мамы живы. Боже мой, что её ждёт? Что ждёт нас всех?

Тимур (неожиданно): – Рабат. Капабланка и тажина на берегу моря! Как вам это нравится?

Лена: – Пружина? Какая пружина? Вы о чём?

Тимур: – Не пружина, а тажина. Это курица по-мароккански с грушами и черносливом. Вы спросили, о чём я думаю. Я вам отвечаю. Про тажину думаю, будь она неладна! Гори в огне её марокканская кухня! (**Ловит ленин недоумевающий взгляд**). Ничего, собственно, против её кухни не имею, но на этой кухне дети мои, например, «Двух капитанов» никогда не прочтут! А я в их возрасте как Кавериным зачитывался! Или рассказами Гайдара, или повестями Александра Грина!

Лена: – Ничего не понимаю! Чья кухня! Почему будь она неладна? И при чём здесь Каверин?

Тимур: – Кухня Асмы. Асма – это жена моя, родом из Марокко. Детей наших лепит по своему образу и подобию. Дома русский язык табу! Запрещает им говорить со мной по-русски. Рассказы Толстого, мой подарок старшему ко дню рождения, сожгла. (**Медленно, зло, по слогам**) Не-на-ви-жу!

Лена (в изумлении): – Это вы так о жене? Банальный вопрос: где ж вы раньше были? Куда смотрели?

Тимур: – На её гладкую смуглую кожу смотрел, в глаза чёрные, волосы густые шикарные. Одалиска из восточных сказок. Но сказка быстро закончилась. Сказка с отвратительным концом получается! «Ата руси не состоявшийся, мамзер несчастный!».

Лена: – О, Господи, какие эпитеты! Но бывает. От любви до ненависти – только шаг. Любовь же ваша, наверное, не мороженое! Любовь не растаяла, сохранилась?

Тимур: – От эскимо осталась одна красивая обёртка. Липкая, как лента для мух. Вот я и влип. Но сил и воли достаточно! Освобожусь! Не такие были штормы, а мы плыли на спине! Переживём! Марокканская грелка растопила мою любовь.

Лена: – Как вы так можете о своей жене? Уважайте её хотя бы немного! Она мать ваших детей! Вашу неприязнь вы должны переболеть. Поговорите с ней обстоятельно, приласкайте, объясните, что дети могут расти в атмосфере уважения к двум разным культурам. Не настаивайте на всём русском. В конце концов, они – израильтяне.

Тимур: – Вы тоже Асма. Один к одному Асма.

Лена (с негодованием и удивлением): – Я? Я астма? Какая я вам астма? Сами вы холера! Чем это я заслужила такие слова от вас? Просите прощения! Вы слышите? Немедленно извинитесь!

Тимур (встаёт, подходит вплотную к Лене): – Простите меня, Леночка! Простите сто раз! Но я сказал не «астма», а «Асма». Вы не расслышали. «Асма» в переводе с арабского – «высокая». Вы высокая. Только этим вы похожи на мою жену, и ничем больше. В остальном вы с ней – как эскимо на палочке. Вы эскимо на палочке, а Асма на палочке, но не эскимо.

Лена: – Тимур, и вы меня извините. Наговорила вам страшных болезней стгоряча! Но думаю, какой же плохой должна быть супруга, чтобы заслужить такое сравнение!

Тимур: – Я сейчас совсем не о ней. Она не стоит большого внимания. Я о вас. Вы другая! Как вам объяснить? Может, это прозвучит высокопарно, но я смотрю на вас, как художник, стоящий перед красавицей. Он боится её рисовать. Что бы ни вышло из-под его кисти, он не будет доволен портретом. Знаете, почему?

Лена: – Почему?

Тимур: – Потому что его переполняет страх никогда не дотянуться до её чистоты. Страх несопадений. Рядом с ней он чувствует себя... как бы это сказать... короче, не стоящим её.

Лена (перебивая): – Вы меня переоцениваете. Не такая уж я пушистая. Я далека от того, чтобы быть кому-нибудь примером. Плохая дочь, для своей же Юли – вечно занятая мама.

Тимур: – Это, поверьте мне, не самое великое зло. Можно, я договорю? Лена, я не художник. Меня хватит только на признание. Давно хотел вам сказать – вы мне симпатичны. Очень симпатичны. Сказку можно изменить – выходите за меня замуж.

Лена: – Что? Вы точно заболели! Как вы себе это представляете? Как я могу так скоропалительно влюбиться в вас?

Тимур: – Не плывите, Леночка, как все по течению. Когда все плывут по течению, трудно узнать, кто же плывет по собственному желанию.

Лена: – Всё время думаю о маме. Сколько ей осталось? А ей кружит голову воображаемый успех на сцене театра! Ей не важно, Костромской это театр, или театр на Бродвее. Если бы она только знала, как она далека от всего этого, от того, что составляло большую часть её жизни, пока она была молода и здорова.

Тимур: – Я всё знаю про вашу маму, вижу её всегда в образе Анны Карениной с мобильным аппаратом возле уха. Так альпинист, не знающий, что угасает, боится пропустить сигнал ракеты перед восхождением на Эверест. Как бы мне хотелось помочь вам.

Лена: – Мамина ракета уже погасла. Охваченная фобией актрисы нарасхват, она навсегда осталась у подножия гор.

Тимур: – Моя мать тоже вся во власти прикованного к инвалидной коляске отца. А тут ещё я со своими семейными заморочками. И тогда для неё нет ничего важнее, как накормить всегда голодного в кавычках сыночка борщом со сметанкой! Это, по её уразумению, ключ к его сердцу!

Лена: – Какой вы привередливый! Вам не угодить. То вам курица по-мароккански плоха, то борщ со сметаной.

Тимур: – Пусть лучше будет, что не с кем поесть, чем ежедневно кушать тажину! Я ещё могу понять, когда два человека не слышат друг друга, потому что говорят на двух разных языках – один на русском, другая про тажину из курицы, но чтобы мать не понимала своего сына! Это угнетает больше всего.

Лена: – Я как-то видела вас с вашим старшим мальчиком, когда вы забежали к родителям, навьюченный, как верблюд, сетками. Никогда бы не подумала, что его мама марокканка. Он напомнил мне мальчика Кая. Вдруг всплыли в голове картины из детства. Я, когда была в его возрасте, плакала безутешно. Даже родители перепугались. Так мне было жалко Кая!

Тимур (простодушно): – Кая? Какого Кая?

Лена: – Сейчас смешно вспоминать! Мальчик Кай из «Снежной королевы». За что она заперла его среди ледяных стен и заставила сложить изо льда слово «вечность». Я так ревела! Вам не передать.

Тимур: – Мне порой кажется – и особенно сегодня – что в этом приюте бывает холодней, чем во дворце королевы. Обитатели его складывают слово, ужаснее слова «вечность». Слово «забвение».

Лена (продолжает): – Но самое поразительное, что Юлька, так же, как и её мамочка когда-то, плачет сегодня, читая ту же сказку!

Тимур: – Действительно, Леночка, полюбить меня скоропалительно тебе будет нелегко. А потому отпускаю тебе семь вечеров.

Лена (улыбаясь): – О! Как много! Пропасть времени! Но почему только именно семь?

Тимур: – Потому что я сказал ей вчера, что буду подавать на развод и рассчитываю через неделю поменять адрес жительства.

Лена: – Переедете сюда, к родителям?

Тимур: – Нет, не к родителям. К родителям мы будем ежедневно приходить в гости с цветами. Какие цветы любит твоя мама?

Лена: – Мама любит розы. Ей её поклонники всегда дарили розы.

Тимур (глядя на Лену, обнимая её за плечи): – Скажи, Леночка, а какие цветы любишь ты? Я устелю ими тротуар, по которому мы с тобой пойдем, как жених и невеста.

Лена: – Я люблю хризантемы. Растут ли в Израиле хризантемы? Я не знаю. По-моему, они мне тут не встречались ни разу. Вам они не попадались?

Тимур целует Лену. Долгий поцелуй. Неожиданно появляется Александра. В руке соломенная мужская шляпа, палка и знакомый транзистор. Кладёт вещи на край скамейки.

Тимур: – Чьи это вещи, простите?

Александра: – У нас в нашем доме не принято расспрашивать ни о чём и ни о ком. Не спрашивайте ничего.

Лена (горько улыбаясь, печалью смотрит на шляпу, едва гладит её ладонью. Шепчет): – Не плачь, потому что это закончилось. Улыбнись, потому что это было. **(Объясняет Тимору)** В этом доме до недавнего времени жил дедушка Яков Израилевич. Через программу «Жди меня» его нашли пятеро детей, шестеро внуков и четыре правнука. Все они живут в разных странах. Так дедушка бросил в эту шляпу четыре бумажки с названиями стран, вытащил Канаду и теперь гостит у младшего внука. А нам на память оставил шляпу и палочку.

Тимур: – Эх, счастливый старик! Благодаря внукам, сколько стран ещё увидит.

Лена: – А Семён Ефимович оставил нам на память транзистор.

С улицы появляются Неля с дипломатом в руках и Оксана.

Неля: – Здравствуйте, господа. Я не прозевала питы? Виктора ещё не было? Ладно, сейчас не об этом. Я бы хотела в который раз обратиться к Александре. Уважаемый домком! По моему, от моих записок вот-вот развалится наша деревянная стена плача, то есть ящик заявок и просьб. Но потолок мой от этого не перестает течь! С каким страхом, с каким ужасом я жду первого дождя! Сейчас, пока только капает, я обхожусь двумя тазами и одним ведром. Какие будут потоки воды, когда начнется сезон дождей?! У меня столько посуды нет!

Александра (невозмутимо): – У вас нет посуды? Что же вы молчите? Ничего страшного. Мы вам поможем. У меня есть пятилитровая бадья – я подарю её вам. Какие проблемы?

Неля: – Не надо мне вашей бадьи! Пришлите рабочих исправить текущий потолок! С него беспрестанно капает!

Александра: – Прислать пока некого. Слесарь Григорий в настоящее время занят покраской фасада нашего дома. Фасад – это визитная карточка жилья. Тем более, что я добилась регистрации, и дом наш включается в борьбу за дом высокого обслуживания. Вот победим, и появятся средства и на ремонт, и на дорожку для инвалидных колясок, и на дополнительные кондиционеры, и на то, чтобы ни у кого из кранов ничего не капало.

Татьяна: – Весь этот дом высокого образца вместе с его атаманшей надо закатать в нашу местную стену плача.

Александра: – Вам, Неля, не угодишь! Предлагаешь вам посуду – вам не надо. Говорю вам – пришлите письмо по э-мейл – вы не слышите. Может, в ящике заявки есть, но я их не видела. Давайте так – начнутся дожди, проставьте число, когда он пошел, сфотографируйте места, из которых течёт. Предоставите мне фото, я покажу, кому надо, и будем принимать меры. А пока дожди не начались, почему бы вам не обратиться в электорат вашей партии? Они обязаны помочь вам – активному члену! Хоть будете знать, за что платите членские взносы!

Оксана (неожиданно торжественно):

– Средь русских членов не одна ты!
Нам важен новых сил приток!
Пусть будут в Кнессете мандаты!
А вы тут нам про потолок!

Неля непонимающе смотрит.

Неля: – Это кто – «мандаты?» Это вы мне? Это что такое вообще?

Оксана: – Вам, а кому же еще! Пою романсы вашему потолку.

Неля (с возмущением): – Ну, знаете что?! Я об этом вас не просила!

Тимур: – А вы, простите, кто? Что-то я вас не знаю. На мои компьютерные курсы вы не ходите.

Неля: – Мне некогда заниматься подобными глупостями. Позвольте представиться – зовут меня Неля. Я представитель избиркома партии «Твой дом». Мы боремся за получение недорогого социального жилья людям предпенсионного и пенсионного возраста. Мы боремся за как можно большее число русских мандатов в Кнессете, мы боремся за увеличение корзины абсорбции новым репатриантам и за многое, многое другое. Этого достаточно о себе?

Тимур: – Вполне. Только не слишком ли много мандатов? За мандатами часто не видно человеческих лиц.

Неля (увлечённо, запальчиво): – Учитесь замечать! Знаете ли вы, что наша партия совместно с министерством абсорбции и совместно с муниципалитетом города Ришон добивается от министерства социального жилища разрешения на строительства 200 единиц жилья в нашем городе! Практически, мы пробили этот стеклянный потолок!

Оксана: – Да! Да! Чувствую, что пока мои дети дождутся своего жилья, пока они съедут со своих дорогуших съемных квартир, увижу я этот стеклянный потолок, когда буду лежать там, где всегда спокойненько.

Неля: – Не говорите глупостей! Уже подписан соответствующий документ, и к началу будущего года начнётся строительство двух домов. И это всё благодаря Алексу иш какому и членам его партии. Так что не забудьте проголосовать за него на предстоящих скоро выборах. **(У неё неожиданно звонит мобильный, она хватает его, кричит: «Зам. избиркома партии „Твой дом“ на проводе!». Убегает).**

Оксана (декламирует):

Вот кот, который пугает и ловит синицу,
которая ловко ворует пшеницу,
которую мнёт своей попой Емеля,
в доме, который построит нам Неля.

Татьяна: – А шо вы думаете? Вдруг всё так и случится, как обещает Неля. Вдруг мы ещё застанем новоселья наших детей в собственных квартирах! Я пессимистка, которая по утрам считает, шо все депутаты воры, а к вечеру уже оптимистка, шо так оно и есть!

Оксана (негромко): – Нет! Одесса это не только жемчужина у моря. Это ещё и Татьяна с Привоза!

Появляется Люда. Несмотря на лето, она в высоких красных сапогах, в красной маечке, из под которой кокетливо выглядывают острые, загоревшие плечики. Из-под коротенькой юбки – стройные ножки.

Люда: – Товарищи дорогие! Хочу сделать объявление, пока мы здесь вместе! Завтра в большом зале я провожу лекцию на тему: «Что мы знаем о паразитах?» По данным Всемирной Организации Здравоохранения, из 50 миллионов человек, ежегодно умирающих в мире, более чем у 16 миллионов причиной смерти являются паразитарные и инфекционные заболевания.

Тимур: – Да ладно вам, уважаемый доктор. Не страшнее арабов ваши паразиты. Мы хамасовцев травим, как клопов, а уж с паразитами тем более справимся.

Лена: – И правда! Хаваль аль а-зман! Лучше бы вы разобрались там у себя со своими сотрудниками больничной кассы. В аптеке сплошное хамство!

Люда: – В чём дело? Что вы имеете в виду?

Лена: – Бабушка из 118 квартиры жаловалась мне. Пришла она недавно к вам в аптеку, внучка попросила купить прокладки. Бабуля пока шла, забыла, как они называются. Она просит, чтобы ей продали то, что как продолжение тела. Она слушала рекламу и запомнила только это. А ей продавщица отвечает, мол, идите бабуля с миром! Какое вам продолжение! Вашему телу, говорит, без надобности даже уже туалетная бумага! Не морочьте голову! Идите домой! Зачем вам прокладки? А бабуля трясёт кулачком сухим, требует это с крылышками! Кончилось всё скандалом, который длился, пока внучка не прибежала.

Люда: – Вы правы, конечно. Имеет у нас ещё место невнимания и неуважения.

Оксана: – Тимур, Лена! Но мы сейчас не об этом. Если вам не интересно, можете на лекцию не приходить. А я точно знаю – в местах большого скопления людей всегда есть большая вероятность появления непрошенных гостей. Глистов, например.

Татьяна (к Люде): – Ой, про вашу лекцию не надо меня уговаривать! Я и так соглашусь! Люблю слушать про гнид и вообще про фауну.

Люда: – Спасибо, Татьяна, Оксана, за поддержку и понимание важного вопроса. Товарищи, среди заболеваний заражение кишечными гельминтозами занимает третье место в мире. **(Людмила увлекается, начинает активно говорить).** Глисты – один из старейших пара-

зитов человека, и некоторые настолько адаптировались к жизни в человеческих кишках, что человек-хозяин может не чувствовать их присутствия.

Тимур (перебивая, насмешливо): – А это правда, доктор? Говорят, что когда врач сообщает глистам, где они живут, то те тут же покидают обжитое место.

Татьяна: – Не смешно, молодой человек! Товарищи, глистов лучше предупредить!

Тимур: – Предупредить? Глистов? Вот это действительно смешно?

Все смеются.

Татьяна: – Я оговорила. Хотела сказать: «Предупредить проявление глистов». Так вот, первейшее условие избежать появления этих паразитирующих – тщательная стерильность, и контроль мест общественного пользования, где чаще всего...

Голос: – Минуточку! Нельзя ли помедленней! Я записываю!

Все оборачиваются на голос и замирают! Удивлению нет предела! Заботливо поддерживаемый за локоть супругой Элианой, из дверей выходит Юрий. В руках большой букет цветов, в чёрном костюме и белой рубашке очень напоминает жениха. Может, потому что жена его Элиана – вылитая невеста! Ослепительно белое платье, сияющие глаза, вместо фаты – волосы белые, как снег.

Юрий счастливо улыбаясь, поёт:

– Как молоды мы были, как искренне любили, как искренне любили, как верили в себя! Господа, в душе моей весна! Мне 20 лет! Всё у нас с Элианочкой только начинается! Сегодня у нас свадьба! Светлана, дорогая! Не вижу вас! Где вы?

Лена (с горечью, едва не плача): – Не зовите её! Она далеко! Вы не увидите её рядом. Мама играет на подмостках небес обетованных! Вчера она пришла ко мне во сне. Была счастлива!

Юрий (не придавая особенно значения услышанному): – Играет! На подмостках ли, на сцене! Но играет! Как немного надо человеку для счастья! Только бы знать, что ты нужен кому-то! Передайте Людмиле наши самые искренние поздравления. Чтобы у всех будущих её спектаклей были сплошные аншлаги!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.